

ДВА С ПОЛОВИНОЙ ЧЕЛОВЕКА

*Молчание двоих –
опасность для третьего*

ЕКАТЕРИНА ДИБРИВСКАЯ

Екатерина Дибривская

Два с половиной человека

Серия «Лучшая криминальная мелодрама»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70254610
ISBN 978-5-04-198321-5

Аннотация

«Разыскивается Туманова Маргарита Викторовна. Особо опасна...»

Она читает эту фразу в бегущей строке новостей. Маргарита, Рита Туманова – это она. Восемнадцатилетняя девушка, которую родители насильно выдали замуж за старого богача Туманова, чтобы поправить свои финансовые дела. И вот спустя несколько месяцев после свадьбы муж и родители Риты убиты, а все улики указывают именно на нее.

Майор Ярослав Власов, ведущий это дело, убежден, что Маргарита невиновна. Пытаясь найти доказательства и настоящего убийцу, он прячет девушку в собственном доме, рискуя карьерой и репутацией.

А как не помочь? Ведь, ко всему прочему, она еще и ждет ребенка. И преступник уже готовится к охоте за этим ребенком...

«Если вам кажется, что правда уже в ваших ладонях, то будьте готовы к двойному дну. Екатерина изысканно преподносит новые сюжетные повороты, от которых бросает то в жар, то в холод. Чарующий слог повествования заставляет забыть о существовании времени, а яркие герои еще долго будут сниться. Одна из самых живых историй, которые я когда-либо читала». – Вероника Фокс, автор «Эксмо» (@foxroneu)

«Безумно интересный детектив, где догадки сменяются одна за другой, а итог расходится со всем представлением. Здесь не только интрига, сплетни, расследование, но и самая настоящая любовь, за которую стоит бороться». – Тина Рун (@tinarun)

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	49
Глава 9	58
Глава 10	69
Глава 11	82
Глава 12	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Екатерина Дибривская

Два с половиной человека

© Дибривская Е.А., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*** * ***

Глава 1

Ярослав

В свете фар мелькают три тени, и я резко торможу, глядя в темноту. Два здоровых амбала тащат сопротивляющуюся девчонку в глубь глухого переулка, подальше от света фонарей и зарева пожара. Медленно еду за ними, ухмыляясь. Вот и нашлась беглянка. Недолго бегала.

Выхожу и разминаю плечи. Один бычина замирает при виде меня. А то как же – раньше были так заняты, что даже не видели мою тачку.

– Макс, тут это, – мычит он. – Тут перец какой-то нарисовался.

– Ну и выруби его, – кидает второй и тянет ближе к телу свою добычу.

Бегло осматриваю девчонку. Вроде не били. Она забавно вращает глазами и машет руками, пытаясь отбиться.

– Ах ты, сучка мелкая! – внезапно взывает второй. – Укусила...

– Помогите! – обращается она ко мне. – Меня похищают! Я наклоняю голову вбок и с усмешкой наблюдаю за этой нелепицей.

– Что вы стоите истуканом? – вопит девица, глядя на меня, и лягает ногой амбала. – Да отпустите меня!

– Слышь, вша, рот закрой, – приходит в себя второй и обращается ко мне: – А ты иди, куда шел. Федя, выруби его, и пошли. Времени нет. Скоро дороги перекроют.

Федя с наглой рожей подходит ко мне и заносит руку для удара. Перехватываю его кулак и выворачиваю ему руку.

– Может, не надо? – хрипит он.

– Надо, Федя. Надо.

Я качаю головой, словно мне жаль, но мне не жаль. Ломаю ему руку со смачным хрустом кости и отталкиваю его в сторону. Второй быстро пятится, но добычу не отпускает. Так и волочит за собой девчонку.

Слышу вдалеке звук сирены и морщусь. Пожар занялся примерно пятнадцать минут назад, значит, следы обнаружить будет затруднительно. Как и зацепки. Жадное пламя слижет своим языком все.

К звукам сирен пожарных машин присоединяются полицейские сирены, и я ухмыляюсь.

– Не отпустишь ее – никто не уйдет, – говорю второму.

– Ты такой умный, смотрю! Что ж сам не уходишь?

– А мне не страшно, – скалюсь я. – А вот ты смотри штаны не обделай.

По соседней улице проносится трель сирены неотложки, да только спасать в том доме некого. Больше некого. Качаю головой. Вон как в жизни – строго по списку: 01, 02, 03. И никак иначе.

Второй толкает девчонку на меня и бросает ей:

– Все равно найду тебя, мелкая!

И пока я занимаюсь спасением девицы, он подхватывает своего поделщика, и они скрываются в темноте.

Девица летит прямо мне в руки, мне остается только раскрыть объятия, и она врезается в мое тело.

Держу ее крепко. Хороший улов.

Она поднимает на меня свои голубые невинные глаза, и я слегка трясую головой, чтобы рассеять наваждение. Лишь усиливаю хватку.

– Вы тоже охотитесь за мной? – деловито спрашивает она.

Я киваю. В какой-то степени она права.

– Да что я вам всем сделала? – вырывается у нее.

И она начинает плакать. Так горько, что я почти ей верю. Почти. Потому что факты – вещь упрямая. А факты говорят, что верить ей нельзя. Но ее сотрясают рыдания, а вокруг рыскают полицейские.

И я знаю, как должен поступить, но неожиданно поступаю иначе. Усаживаю ее на заднее сиденье и еду в сторону области, минуя посты. Периодически бросаю хмурый взгляд в зеркало, чтобы посмотреть, как она рыдает.

– Как вас зовут? – внезапно спрашивает она.

Я стискиваю зубы. Не хочу отвечать, потому что меня бесит эта девчонка. Раздражает больше моей бывшей жены.

Маленькая эгоистичная сучка. Маргарита Туманова. Восемнадцатилетняя наследница многомиллионного состояния своих родителей и почившего ныне супруга. Усмехаюсь.

Теперь у нее нет почти ничего. Огонь уничтожил все документы, векселя, наличку, поглотил ее цацки, меха и шелка, счета заморожены до выяснения обстоятельств дела.

– Вы меня слышите?

Она подается вперед и касается моего плеча. Ее тонкая рука посылает нервный импульс, проходящий по всему моему телу, и я резко торможу.

– Выметайся, – говорю ей. – Проваливай!

– Зачем? – испуганно переспрашивает она.

– Затем, что дальше ты идешь одна.

– Вы не можете бросить меня здесь, – возражает она. – Это небезопасно.

– С чего ты решила, что со мной безопасно? – усмехаюсь я.

– Вы совсем не похожи на тех бандитов. – Она качает головой. – Я вам заплачу.

Я закатываю глаза на ее предложение. Понятно, она в шоке. Пока не осознает, что именно сегодня произошло.

– У меня есть... вот... – Она быстро стаскивает с пальца кольца – плоское обручальное и помолвочное с огромным камнем. – Это «Шопар». Дорогие вещички. Около десяти миллионов за пару.

Я смеюсь. Практически до слез. Эта девица забавна. По всему городу ее ищут за убийство мужа, а она меняет кольца на свою жизнь.

– Слишком приметные штучки, – протягиваю я, отсмеяв-

шись. – Поди и паспорт есть?

– Конечно, дома... – Она меняется в лице. – Черт!

– Без документов эти цацки не продашь, – ухмыляюсь ей. – Точнее, продашь. В десять раз ниже стоимости. В лучшем случае.

– Миллион – это тоже хорошая сумма, – шепчет девушка. – А потом я найду еще. Я заплачу, не сомневайтесь. Любую цену. Назовите. Я найду.

– А если я потребую не денег? – смотрю на нее оценивающе. – Будешь обслуживать меня в постели? Качественно и без закидонов? Ноги раздвигать по первому требованию и глотку подставлять?

Ее глаза пылают гневом, но она удерживается от резких высказываний.

– Если придется, – отвечает почти смиренно. – Я не в том положении, чтобы кочевряжиться. Если это ваша цена, что ж... Стерплю. Лучше вы, чем неизвестность. Мне нужна помощь, одна не вытяну. Мне бы только понять... кто меня подставил. И зачем меня пытаются похитить.

Бросаю заинтересованный взгляд на девушку. Она говорит настолько убедительно, что я начинаю сомневаться. Видя ее – такую хрупкую и беспомощную, совсем как в нашу первую встречу, – я не хочу верить упрямым фактам. Раздосадованно стучу по рулю. Потому что знаю, что теперь не смогу просто выставить ее из тачки. Пока не разберусь, что происходит.

– Ярослав, – бросаю ей и завожу машину.

– Что? – не понимает она.

– Меня зовут Ярослав.

– Спасибо вам, Ярослав! Меня зовут Рита, – с облегчением выдыхает девушка.

Я смотрю на затаенное опасение в ее глазах и гадаю, какого черта ввязываюсь в эту странную историю.

Но я знаю, из-за чего.

Из-за нее.

Глава 2

Ярослав

Разворачиваюсь на пустынной дороге и еду обратно, практически в самый центр. Зарево от пожара еще освещает морозную ночь, и я невольно замедляюсь, бросая взгляд в ту сторону.

Рита также смотрит в окно и всхлипывает.

– Там все сгорело? – удрученно спрашивает она.

– Уверен, что да.

– Ясно.

Что ей ясно, лично мне не ясно. Мне вообще ничего не ясно. От усталости мозг соображает туго. Хочу поговорить с ней, но на свежую голову. Чем быстрее я пойму, что происходит, тем меньше дерьма мне придется расхлебывать.

Улицу преграждает ДПС, досматривают всех. Я останавливаюсь на обочине.

– Сиди тихо, – бросаю девчонке. – Иначе тебя запакуют, и я не смогу помочь.

– Хорошо, – шепчет она и опускается в пространство между сиденьями.

Я усмехаюсь и выхожу из машины.

– Есть новости? – спрашиваю, подходя ближе.

– Ярослав Сергеевич, никак нет. На пепелище обнаруже-

ны останки погибших. Предположительно, пятерых человек. Это хозяин и сотрудники охраны. Прислугу отпустили пораньше. Подозреваемая скрылась.

– Никаких следов? Свидетели? – затаиваю дыхание.

– Ничего. Испарилась. Как сквозь землю провалилась. Но тут еще кое-что...

– Что?

– Поймали двух клоунов – отирались неподалеку. – Ага, Федя и второй, должно быть. – Задержали их. Они утверждают, что за Туманову объявили награду. Взять живой ее необходимо. В даркнете объява висит. С окошком для обратной связи. Сумма приличная. Заказчика не отследить. Но программисты уже работают.

– И что эти клоуны? Взяли ее?

– Говорят, взяли, но потом кто-то перехватил девочку. Камер нет, свидетелей нет, кроме этих двоих, никто ничего не видел. А они ни мужика, ни тачку не запомнили. Если это правда, то рыскать по городу бесполезно. – Полицейский почесал голову. – Уже больше часа прошло. Из города ее вывезли. Скоро и область покинут...

– Дела... – вздыхаю в ответ. – Ну, все равно досматривайте все тачки. Мало ли, кто что видел. И от дома патруль не убирать. Всех, кто интерес к дому проявит – в отдел до утра.

– Есть, – кидает он мне.

– Свободен, Егор. Если что, какие будут новости – немедленно мне докладывай.

– Есть, Ярослав Сергеевич.

Я возвращаюсь в тачку, и девушка сжимается от страха. Но стоит мне тронуться с места, как она выдыхает.

– Смотреть не будут?

– Нет, только документы проверили. План «Перехват» работает. Ищут убийцу. – Смотрю в зеркало, прямо ей в глаза.

– Знаю я, кого они ищут, – выдавливает она. – Меня и ищут. Невиновную. И ваши, и полиция.

– Наши? – смеясь, переспрашиваю.

– Рожи бандитские, – уточняет она и устало прикрывает глаза.

Вскоре я въезжаю в гараж своего таунхауса. Всегда бросал тачку у ворот, но с девчонкой выйти не могу. Здесь камеры кругом. Вопросы лишние не нужны. Резкая смена привычек тоже вызывает подозрения. Но выхода другого нет.

– Располагайся, Рита, – киваю ей на закрытую дверь на первом этаже. – Можешь занять эту спальню, ванная – по соседству. Я сплю на втором этаже.

– Спасибо вам, Ярослав, – бросает она.

Смотрю, как тонкие пальцы шустро расстегивают крупные блестящие пуговицы пальто. Она скидывает верхнюю одежду прямо на пол и разувается. Тут же стягивает огромный мешковатый свитер, и я чертыхаюсь при виде ее небольшого аккуратного округлого живота.

– Как-то так, – говорит она и накрывает живот руками.

– Н-да, дела, – протягиваю я. – И как же ты на мои условия

согласилась, учитывая все это?

Обвожу рукой пространство около себя, рисуя в воздухе воображаемый живот, и Рита забавно фыркает.

– Я не тяжело больная. Просто беременная. Никаких ограничений у меня нет, половой покой не требуется. – Ее щеки алеют. – Не сомневайтесь, *там* у меня все так же, как и у остальных женщин. Ничем не отличается.

– Ладно, – серьезно киваю в ответ. – Давай закругляться на сегодня, а завтра решим, как быть. Свет без надобности не включай, к окнам не подходи. И если у тебя с собой телефон, то лучше выруби его.

– У меня ничего нет, в чем была, в том и выскочила из дома... Как только Аркадия увидела убитого, сразу же побежала.

И как бы я ни хотел спать – пока она настроена поболтать, веду ее на кухню и ставлю чайник. Она орудует в холодильнике, и я с сомнением смотрю на огромный сложный бутерброд в ее руках. Она перехватывает мой взгляд и смеется.

– Это мелкое чудовище постоянно требует быстрых вредных углеводов.

Несмотря на грубые слова, в ее голосе звучит нежность, а выражение лица смягчается. Ребенка она любит, это видно сразу, невооруженным взглядом.

– Итак, ты увидела Аркадия убитым, и?..

– И сразу дала деру. – Она откусывает огромный кусок и быстро жует. – А за домом меня поймали те двое. Потом

хлопнул взрыв, и занялся огонь. Я уже подумала, что нужно было взять документы и деньги, одежду хоть какую-то, но хорошо, что сразу сбежала.

Ее тело пробирает дрожь, и она смахивает сбегающие слезы.

– А где ты была до того, как увидела Аркадия?

– Я ездила в бассейн. Сумку оставила в машине, думала, попрошу кого-нибудь из obsługi забрать. Устала сильно. Зашла в дом, там тихо и темно. Даже раздеваться не стала, как чувствовала. Отправилась в каминный зал. Там на столе лежал пистолет. Я вроде взяла его в руки. Повертела. А потом увидела мужа. Он лежал, вокруг головы растеклась кровь. Я испугалась и выскочила через кухню в заднюю дверь. Добежала до калитки, через которую прислуга ходит, а там уже были те двое.

– У мужа были проблемы с бизнесом?

– Мне не говорил. – Она усмехается. – Мы не были настолько близки. Поженились всего полгода назад.

Я выразительно смотрю на беременный живот, и она улыбается.

– Дурное дело не хитрое.

– Сложно поспорить. Вы не были близки настолько, чтобы обсуждать бизнес, но что-то же ты слышала, – предполагаю я.

Она замирает.

– Однажды, не так давно, я слышала, как Аркадий кричал

в трубку какому-то человеку, что некто Ротманд слишком большой интерес проявляет к информационной безопасности фирмы. Он подозревал, что против него готовят рейдерский захват. Но больше он ничего не говорил.

– Ты же знаешь, что тебя подозревают в убийстве мужа? – на всякий случай спрашиваю я. – И... родителей.

– Господи, ну вот скажи мне: зачем, по-твоему, мне это делать?

Она и сама не заметила, как перешла на «ты», а мне все равно.

– Чтобы избавиться от навязанного брака.

Снова бью прицельно, и она вздрагивает.

– Меня выдали замуж за бизнес-партнера отца. Продали за очень круглую сумму, которую папа задолжал инвесторам. – Она с силой сжимает свои губы. – Против моей воли. Едва мне исполнилось восемнадцать. Вручили ему, как чертов лакомый кусочек торта! Чертова девственница на выданье! Но я никогда бы не смогла организовать их убийство. Не смогла бы подстроить автокатастрофу. Я не хочу сказать, что просто приняла их решение как данность. Я отомстила... По-своему.

С ее губ слетает смешок, но она торопливо сгоняет с лица мечтательное выражение и не развивает эту тему. Мне и не нужно продолжение. Я знаю, о чем она говорит. Но она этого не знает.

– Но я хочу сказать, что мне незачем было их убивать.

Родителей не выбирают, верно? Так вот, они поступили так, как считали нужным. Нашли мне выгодного мужа. Ну и какое дело, что он старше меня почти на тридцать лет? – Она невесело смеется. – В любом случае, когда они погибли, я мучилась от токсикоза и не отползала от унитаза дальше, чем на полметра. У меня были чуть ли не круглосуточный врачебный контроль и сиделка, которая не оставляла меня ни на секунду.

Я сжимаю кулаки под столом. И почему эта маленькая деталь не фигурирует в деле? Значит, кому-то выгодно, чтобы никто не узнал о беременности. И главный вопрос – вовсе не кому это выгодно, а зачем. И как бы мне ни было противно, я вынужден задать ей следующий вопрос.

– Судя по всему, ты забеременела сразу после свадьбы? Муж обрадовался этой новости?

Она кидает на меня затравленный взгляд и кивает.

– Очень. Он... был счастлив. Я почти сразу узнала о веселом положении, меня мучил токсикоз с первых дней и почти до двадцатой недели. Поэтому он берег меня и больше не трогал. Но наследника он ждал.

– Сына? – равнодушно спрашиваю я.

– Врачи предполагают, что да. Но у меня есть сомнения. – Девчонка зевает. – Извини... Извините, я утомилась сегодня, хотела бы пойти спать.

– Да, конечно. И раз уж мы попали в такие условия, – я обвожу взглядом кухню, – ты будешь мозолить мне глаза в

ближайшее время и, очевидно, носить мою одежду, пока я не привезу тебе из магазина новые шмотки, предлагаю, Маргарита, перейти на «ты».

– Ладно, Ярослав, – легко соглашается она. – И раз уж мы попали в такие условия, может, ты попробуешь продать кольца? У меня действительно больше нет ничего ценного.

– Расслабься, я в силах прокормить двух с половиной человек. Напиши свои размеры и список, завтра куплю все необходимое.

– Спасибо, Ярослав.

– Пожалуйста.

Глава 3

Ярослав

Утром моя пленница еще спит, а мне необходимо ехать. Взять ее с собой я все равно не могу, поэтому будить смысла нет. На кухонном столе я оставил записку с номером. Будет нужда – позвонит с домашнего. Подхватываю листок с выведенными ровными буквами слов, проверяю все замки и ухожу.

Настроение скверное. Я не выспался от слова абсолютно. Сначала слушал, как фырчит кран в ванной на первом этаже – сам я ею не пользуюсь. Потом Рита блуждала по дому. Далее хлопнула дверца холодильника – должно быть, «мелкое чудовище» в ее животе снова оголодало. Наконец, все стихло, и я провалился в сон.

Снилось мне, как Рита стреляет прямо мне в лоб. С дерзкой усмешкой. Я упал, и она склонилась надо мной.

– Все не так, Ярослав, – сказала она мне и поцеловала мои остывающие губы. – А как – разберись сам.

То, что мне придется разбираться во всем самому, я и так уже понял. Поэтому сон меня вымотал больше, чем хотелось бы. Была, конечно, безумная идея сдать ее на поруки, но девчонка права. Кто-то хорошо позаботился, чтобы все следы привели к ней. Уж больно все гладко. Интуиция просто кри-

чала мне, что слишком гладко. Идеальное дело. Так не бывает.

Я бы мог усомниться, если бы сам не видел ее беременный живот. Но... это обстоятельство меняет в корне все мои знания об этом деле.

Беру кофе и иду напрямиком в свой кабинет. Снова и снова просматриваю все материалы дела. Ни на одной чертовой бумажке нет упоминания о ее положении. Зато имеются показания свидетелей, которые видели девушку в день аварии в гостях у родителей. Якобы у нее сломалась машина, и вызванный автомеханик прикуривал от автомобиля ее отца. И у нее был мотив. Родители фактически продали ее. Обменяли ее девственность на кругленькую сумму.

Вот только я точно знаю, что перед свадьбой обменный товар распечатали. Она нашла способ отомстить им. Так зачем тогда Рите убивать родителей? Из-за наследства? Она только что вышла замуж за богатого мужчину. И если месть как мотив отпадает, нужно хорошенько поворошить финансовое положение четы Пелевиных, родителей Риты. Возможно, мы упускаем нечто важное.

– Ярослав Сергеевич, – отвлекает меня от раздумий голос лейтенанта Фадеева. – Результаты запроса по Ротманду. В городе их не так и много, всего четверо. Вывел отдельно. Далее – по области, потом – по стране.

– Благодарю, Константин, – киваю я ему и снова погружаюсь в документы.

Нужный мне Ротманд находится в этом же городе. Генрих Альбертович – владелец успешного бизнеса. Выкупает разорившиеся компании и перепродает их после ребрендинга. Он интересовался акциями Пелевина, но тот предпочел решить вопрос иначе и скрепил сделку с Тумановым его браком со своей дочерью. Возможно, там были еще и другие договоренности, но теперь этого не узнать. Риту не посвящали в тонкости, а оба мужчины уже покинули этот мир.

– Приемная господина Ротманда, секретарь Анастасия, здравствуйте! – доносится из динамика телефона.

– Здравствуйте, Анастасия, соедините меня с Генрихом Альбертовичем, пожалуйста.

– Боюсь, что это невозможно. Господин Ротманд отсутствует в городе.

– А когда он будет?

– У меня нет такой информации.

– Вы можете дать мне его номер?

– К сожалению, я не могу предоставить вам эту информацию.

– Понимаю, – еле сдерживаюсь я. – Видите ли, мне необходимо связаться с Генрихом Альбертовичем в кратчайшие сроки. Передайте ему, пожалуйста, мой номер телефона и скажите, что его разыскивает майор юстиции Власов Ярослав Сергеевич, следователь по особо важным делам. Свидетельские показания по одному из дел коснулись вашего шефа, и если он не хочет, чтобы его объявили в международный

розыск, лучше ему связаться со мной в ближайшее время.

– Я все поняла, Ярослав Сергеевич, – поспешно говорит Анастасия. – Передам при первой же возможности. Но, к сожалению, я не знаю, когда именно это произойдет. Дело в том, что Генрих Альбертович вылетел в Соединенные Штаты на операцию по пересадке сердца. Операция прошла успешно, но он еще не пришел в сознание. И сколько времени займет восстановление, я не знаю.

– Благодарю за помощь следствию, Анастасия. И прошу, держите меня в курсе.

– Да, конечно.

Я сбрасываю вызов и швыряю телефон на стол. Очередная пустышка этот Ротманд. Я чувствую это. Да только все равно придется ждать его звонка. Сколько ждать – неизвестно.

А пока мне нужно пообщаться с горе-похитителями и свидетелями по делу о гибели Пелевиных.

Вызываю первых в кабинет на допрос. Стою у окна, размеренно покачиваясь с мысков на пятки и обратно. Фадеев приводит амбалов, прикрывает за собой дверь, и я поворачиваюсь.

– Вы?!

Второй вскакивает, а Федя угрюмо смотрит на гипс на своей руке.

– Ага, я, – киваю им. – Давайте коротко и по существу. Кто, что, откуда, когда и зачем?

– Че? Касается девки? – усмехается второй.

– Ага.

– Ну, значит, так. На сайте с нелегальным заработком выбросили вакансию. – Он звонко ржет, но осекается, увидев мой хмурый взгляд. – Поймать эту девку и написать адрес, где она будет дожидаться заказчика. Дело плевое, без мокрухи. И сто тыщ гринов забашлять обещали. Мы и поехали. Причем там были нюансы.

– Нюансы?

– Да. Было написано, что она в бега подастся и что дом загорится. Что времени будет впритык, но четко, чтобы бесследно пропасть.

– Мне вообще показалось, что это подстава, – внезапно подает голос Федя.

– Поясни, – нетерпеливо бросаю я.

– Девка будто знала, что ее будут поджидать. Она даже не сопротивлялась, пока ты, начальник, не появился. Потом уже концерт устроила. Отбрыкиваться начала. А до этого шла спокойно. Будто знала, что ей ничто не угрожает.

– Интересно... – протягиваю я. – Ничего не путаешь?

– Нет, она испуганная выскочила из калитки, но как только мы ее перехватили, сразу будто расслабилась.

Черт! Какой же я болван!

Я метеором мчусь домой, крикнув на бегу Фадееву, чтобы тот снова запер этих двух товарищей.

Распахиваю дверь, обыскиваю весь первый этаж, гараж и все закутки и щели. Ее нигде нет. Как нет и любого намека

на ее вещи. Чертова девка запудрила мне мозги и сбежала!

Обозленный, пышущий праведным гневом, наливаю стакан виски и жадно хлебаю. Один, второй, третий... Чувствую, как расслабляюсь. «*Мне все равно*», – как мантру, повторяю я. Ее проблемы. Теперь я точно знаю, что она виновна. По всем статьям. Была бы невиновна – не сбежала бы!

Поднимаюсь по ступенькам, раздеваясь на ходу. Алкоголь расплзается по венам, заглушая горечь от очередной ошибки. Распахиваю дверь в спальню и замираю.

Посреди большой кровати, свернувшись клубочком, в моей футболке спит Рита. Одеяло сбилось в ногах, а футболка задралась, оголив упругий зад в стрингах и круглый, словно ненастоящий, живот. На щеках девушки румянец, губы открыты.

Глядя на нее, я чувствую, как плоть наливается свинцом. И мне плевать, что в ее матке ютится чужой ребенок. Я хочу ее до дрожи. Так, что разум отключается полностью от силы этого внезапно вспыхнувшего желания.

Сажусь рядом и провожу пальцем по изящной женской ножке. К самому краю трусиков. Рита испуганно дергается, резко просыпаясь, но, увидев меня, снова прикрывает глаза, оставляя выбор за мной. Она не протестует, а я не останавливаюсь.

Продолжаю гладить сквозь черную ткань чувствительное местечко, ощущая жар. Сдвигаю плотные эластичные трусики в сторону, обнажая, раскрывая, делая каждое движение

пальцами более интимным и распаляющим.

Девушка задерживает дыхание и дрожит от моих прикосновений, и я ласкаю ее уже без зазрения совести. Она поддается, испытывая, вероятно, то же желание, что и я. В мгновение ока я стягиваю штаны.

Она молчит и не открывает глаз. Лишь ее тонкие пальцы, сжимающие простыню, говорят мне о ее чувствах. Она кусает губы, боясь показать, как ей нравится происходящее. Но об этом кричит ее тело.

И вот с ее губ срывается чувственный стон, от которого мне сносит крышу окончательно. Чувствую, как плотно сжимается ее влагалище вокруг моей плоти, и отчаянно впиваюсь пальцами в ее бедра, притягивая ближе к себе, изливаюсь внутрь нее, распадаясь на атомы под ее страстные крики. Я притягиваю ее тело к себе и смыкаю руки в кольцо, чувствуя, как бьется ее сердце – почти так же сильно, как мое собственное, – и закрываю глаза.

Это дело высосало все мои силы. Я не мог нормально выспаться уже несколько недель. И теперь, когда главная подозреваемая находится под моим личным контролем, я чувствую небывалую усталость и проваливаюсь в столь необходимый мне сон.

Глава 4

Маргарита

Стоит мне проснуться, я понимаю, что мой странный спаситель – огромный мужчина лет тридцати пяти – оставил меня одну. Это хорошо, потому что меня смущает его близость. Смущают его дерзкие взгляды. Смущает его прямота.

От воспоминания о его предложении у меня пересыхает во рту, а сокровенное местечко между ног сводит мучительной истомой. «Раздвигать ноги по первому требованию и подставлять глотку», – кажется, так он и сказал. И я пробудилась от его грубых слов. И, несмотря на неуместность таких чувств – я только что стала вдовой, меня разыскивает полиция и вообще-то я беременна, – во мне засел порочный огонь желания. Видимо, чертовы гормоны берут свое!

Опасно находиться рядом с ним, но выбора нет. Лишь надежда, что он поможет мне разобраться во всем, зудит в моей голове. Боюсь даже думать о том, что мне делать, если я ошибаюсь. Если он просто решил воспользоваться моментом и позабавиться со мной. Но одно то, что он привез меня к себе домой, вселяет надежду на его порядочность.

Блуждаю по комнатам типичного холостяцкого логова – никаких фотографий, картин, украшений. Суровый минимализм.

Плотно завтракаю и принимаю душ. Одежды у меня раздва и обчелся, поэтому иду прямо в полотенце на поиски шкафа с одеждой хозяина и облачаюсь в простую футболку, которая садится, как платье.

Машинка с сушилкой обнаруживается в его личной ванной, и я отправляю в стирку свои вещи – все, кроме белья, которое я освежила ночью и высушила на батарее в своей комнате.

Подумываю, что должна приготовить еду, но не знаю, к которому часу вернется Ярослав. Просто сижу в тишине и глажу животик.

Я не была готова стать матерью в восемнадцать лет, но этот ребенок стал моим спасением. Я была благодарна судьбе за то, что так вовремя забеременела. Не могу без содрогания вспоминать свою жизнь с тех пор, как родители сказали, что я выхожу замуж за старика Туманова, и до тех пор, пока не объявила ему о беременности. Слава богу, все в прошлом.

Внезапный звонок в дверь пугает меня. Тихо подхожу к окну и смотрю через щель в занавесках. На пороге стоит ухоженная молодая женщина слегка за тридцать. Она звонит еще несколько раз и недовольно поджимает губы. А потом резко разворачивается и уходит.

Я думаю: что, если к нему так и будут вереницей тянуться гости? Мне придется прятаться, обмирая от страха? Придется скрываться в выделенной комнате, пока этот грубый зверь не насытится перепихоном? От последней мысли во

мне поднимается волна раздражительности. Чертовы гормоны! Бесят меня своей непокорностью! Словно я не могу совладать сама с собой!

Пью чай и прячу свою верхнюю одежду и сапоги под кровать на тот случай, если у кого-то из его баб имеются ключи. Поднимаюсь на второй этаж, но машинка еще не достирала, и я решаю ненадолго прилечь. Укрываюсь одеялом и, очевидно, засыпаю.

Потому что снится мне сладкий сон, словно Ярослав касается моей напряженной плоти, и я испытываю огромное желание ощутить его целиком в себе.

И когда это происходит на самом деле, остатки сна рассеиваются. Но я не решаюсь открыть глаза. Лишь сильнее стискиваю в руках простыню, наслаждаясь чувством наполненности. Я не могу больше сдерживаться и стону от его действий. Чувствую, как жидкое пламя растекается по всему телу, и выгибаюсь навстречу его проникающим движениям, наслаждаясь волнами экстаза. Оргазм высекает из моей души сладострастные крики, и я ощущаю, как обжигающее семя наполняет мое лоно, вызывая приятную дрожь.

Лежу, скованная кольцом рук, и не смею пошевелиться. Мужчина рядом спит, и я поворачиваю голову и несколько минут изучаю его лицо. Оно излучает спокойствие, словно он освободился наконец от одолевающих его тяжелых дум. От него немного пахнет алкоголем, и я думаю, часто ли он пьет и не опасен ли в такие мгновения.

Мой муж пил часто – со дня нашей свадьбы и до самой смерти. Вспоминаю унижительную первую брачную ночь и не могу сдержать слез. Мое счастье, мое чудо – ребенок, так вовремя появившийся, стал моим спасением от унижения и, скорее всего, даже от побоев.

И, конечно, если бы не моя акция протеста накануне свадьбы, то до этого самого дня я бы и не узнала, как сладко бывает с мужчиной в постели.

Вспоминаю о стирке и выбираюсь из его хватки.

Не знаю, встанет ли Ярослав к вечеру, но решаю все равно приготовить что-нибудь простое и сытное. Например, пасту с куриной грудкой и шампиньонами в сливочно-сырном соусе. Благо его холодильник набит под завязку разной снедью.

На столе стоит початая бутылка виски. Подношу горлышко к носу и задумчиво принохиваюсь. Запах копченой кожи раздражает рецепторы, и я вспоминаю...

Яркая вспышка в сознании вызывает судорогу. Бутылка выскальзывает из моих рук и разбивается вдребезги о дорожную плитку. Осколки разлетаются по всей кухне, впиваются в мои босые ноги, которые мгновенно щиплет от попавшего в ранки алкоголя, и я вскрикиваю.

Слышу торопливый топот по лестнице.

– Не заходи в кухню босиком, – предупреждаю я заспанного мужчину.

– Какого хрена?.. – Он осекается, разглядывая осколки.

– Я случайно, не хотела. Стала прибираться, и бутылка упа-

ла... Прости меня.

Я посылаю ему извиняющуюся улыбочку. Стараюсь не разглядывать его обнаженное тело, все эти восхитительные кубики и мышцы, но удается с трудом.

– Да черт с ней! Сама-то как? Поранилась?

– Да, и попала в осколочный плен.

– Сейчас спасу тебя, – усмехается он и на мгновение скрывается из виду.

Появляется снова, обутый в сланцы. Идет как по минному полю, вызывая улыбку на моем лице. Сразу же обхватывает меня за талию и сажает на стол. Его руки ложатся рядом с моими бедрами, а сам он стоит очень близко. Мое лицо немного возвышается над его, и я задерживаю дыхание от этой близости. Его карие глаза впиваются в мои, голубые. Смотрят внимательно. Словно он ищет ответы. Словно вопрос уже задан, но я его пропустила. И я прикусываю нижнюю губу, чтобы правда случайно не вырвалась на волю.

Я должна хранить свои секреты, пока не узнаю, что он за человек. И пока он хранит свои. Пусть во всем мире сейчас нет никого ближе него, я должна держать язык за зубами и не выдавать своих тайн. Козыри могут пригодиться мне позднее.

Глава 5

Маргарита

Ярослав с силой сжимает своими кулачищами столешницу и на секунду прикрывает глаза.

– Ты чума, – говорит он с усмешкой, – у меня крышу от тебя конкретно сносит. Вся такая ладная... сладкая... губы пухлые... Запах твой дурманит. Опасная ты гостья.

Я не успеваю придумать ответ, потому что он запечатывает мои губы своим дерзким поцелуем. Глубоко. Наотмашь. Словно жалит. Врывается со вкусом виски. Выкачивает весь кислород. Я вынуждена схватить его плечи в поисках поддержки. Ногами упираюсь в стенку стола и взываю от боли.

– Черт, я забыл... – Он трясет головой, чтобы снять наваждение. – Сейчас...

Он убирает крупные осколки с пола и проходится с моющим пылесосом.

– Все равно босиком не ходи пока, – говорит он мне и достает аптечку.

Ярослав вручает мне белую коробку, подхватывает меня на руки, несет в гостиную и располагает на диване в подушках. А потом садится в ноги, поочередно берет мои ступни и обрабатывает, извлекая при необходимости мелкие кусочки стекла.

Когда дело сделано, я хочу встать, но властная рука хозяйина дома скользит по ноге и накрывает низ моего живота. Он смотрит изучающе на мою реакцию. Хочу провалиться сквозь землю от стыда, потому что жар его руки мгновенно воспаляет меня.

Ерзаю в предвкушении. С дерзкой усмешкой мужчина резко притягивает меня к себе и целует. Я запускаю пальцы в его растрепанные волосы, слегка царапая ногтями кожу головы, и он стонет. В моей груди бушует адское пламя. А уверенные пальцы Ярослава умело высекают искры моей похоти.

До неприличия быстро мое тело начинает дрожать от его прикосновений, и я взрываюсь. Пока я в беспамятстве сжимаю бедра, он жадно целует мой стонущий рот. У меня дыхание перехватывает от его поцелуев – грубых, первобытных, основанных на желании обладать, захватывать, поработать.

Когда я затихаю, он смотрит на меня с кривоватой улыбкой, а потом притягивает меня к себе и снова целует. Я смущена.

– Черт! – восклицает он. – Какая же ты!.. Не отрывался бы! Сутками бы из постели не выпускал! Но это...

Он накрывает своей ладонью мой живот, и я застываю от неожиданности. Даже мой муж никогда не касался меня так – бережно, но властно.

– Это нам придется побереечь, конфетка, – заканчивает мужчина.

У меня во рту пересыхает. Случайный мужчина заботится о моей беременности, хотя, по сути, досадное недоразумение должно было его разозлить. Но нет. Сидит, улыбается. Гладит живот рукой. И, конечно, именно в этот самый «подходящий» момент ребенок решает покувыркаться.

Ярослав смотрит недоверчиво. Его глаза расширяются.

– Забавно! – говорит он с довольным смешком, и я начинаю смеяться из-за нелепости происходящего.

Я думала, после того, как родители продали меня Туманову, я уже не смогу чему-либо удивляться. Однако вот. Удивляюсь. Хитросплетениям судьбы, например. Тому, что этот огромный накачанный мужчина поглаживает мой беременный живот и улыбается, как Чеширский кот.

И я снова вынуждена побороть в себе желание сказать правду. Я не имею права доверяться первому встречному. Просто не имею.

– Есть хотите? – спрашивает он, когда я перестаю смеяться.

– Да, давай приготовлю, – спохватываюсь я.

– Я сам приготовлю. Отдыхай.

Он смотрит на меня сверху вниз, и мне чудится, что с нежностью. Но это все моя излишняя сентиментальность. Гормоны. Беременные закидоны. Потому что мне хочется, чтобы кто-нибудь позаботился обо мне. Я нуждаюсь в этом. Так почему бы не представить, что он делает это из благих побуждений? Хотя бы на один короткий миг почувствовать се-

бя в безопасности. Рядом с ним.

Я расслабленно падаю на подушки и включаю телевизор, пока он орудует на кухне. Иногда – слишком часто – я бросаю взгляд на его широкую спину, крепкие бедра, мускулистые ноги.

– Рита!

Мое имя перекатывается на его языке приятным рокотом.

– Я чувствую твой взгляд.

Я смущенно перевожу взгляд на экран и замираю. Местные новости показывают пепелище. Особняк Туманова. Мое лицо крупным планом. Уши закладывает, и я не могу разобрать ни слова. Но отчетливо вижу бегущую строку: «Разыскивается Туманова Маргарита Викторовна. Особо опасна».

Экран гаснет, а Ярослав садится передо мной на корточки.

– Не смотри ты эту гадость, – выдыхает он. – Мы с тобой знаем, что ты не убийца.

– У тебя будут большие проблемы? Ну, если меня найдут в твоём доме.

Он усмехается:

– Даже не представляешь. Но мне все равно.

Он внимательно смотрит на меня, безошибочно считывая все мои мысли.

– Не думай, – говорит он грубо, нависая над моим лицом. – Одна и с пузом ты не выкарабкаешься. Тебе нужна моя помощь.

Я знаю, что он прав. Через какие-то пару месяцев я буду

беззащитна. Слаба. С ребенком на руках. Но совесть твердит мне, что я не должна подставлять этого человека. И я впервые в жизни не понимаю, как должна поступить.

– Не думай, – повторяет Ярослав. – Я позабочусь о тебе. И найду того, кто тебя подставил.

Я благодарно улыбаюсь, внешне сохраняя спокойствие. Но в моей голове загорается сигнал тревоги: что, если он и есть недоброжелатель?

Глава 6

Ярослав

Моя гостыя не дожидается ужина. Так и засыпает на диване в гостиной. В неудобной позе в куче разноцветных подушек. Такая нежная. Совсем девчонка. И только аккуратный животик выдает, что она взрослее, чем кажется на первый взгляд.

Подхватываю ее на руки и укладываю в гостевой комнате. Укрываю одеялом и регулирую отопление, чтобы не замерзла.

Ужинаю в напряженной тишине. Интуитивно чувствую звонок телефона и моментально беру трубку.

– Власов.

– Ярослав Сергеевич, это лейтенант Смирнов. Программисты вычислили айпи-адрес компьютера, с которого разместили объявление. Это адрес Туманова.

Обессиленно швыряю телефон на стол. *Гребаный живец!* Дай мне сил!

Ночью мороз крепчает. Ветер завывает за окном. Вьюжит. Я просыпаюсь от тихого шороха и мгновенно подскакиваю, но это всего лишь Ритка. Смотрит на меня огромными глазами. Мнется с минуту, но все же неуверенно улыбается.

– Мне страшно, можно я лягу с тобой?

И я просто отбрасываю одеяло в сторону, раскрывая для нее свои объятия. Она незамедлительно ныряет в них, и я тяну ее ближе к себе, накрывая до самого подбородка. Девушка некоторое время пытается найти удобную позу и в итоге укладывается на бок: головой – на мое плечо, животом – на мой бок. Приобнимаю ее за талию, кладу ладонь поверх ее живота, снова чувствуя шевеление.

Это так странно – заиметь беременную девушку в своем доме! Странно и пугающе.

Я никогда не был сдержан по части секса, а сегодня будто тумблер переключили. Внезапно подумалось, что частые сношения могут навредить ребенку. Кажется, я старею. Иначе как понять свои мысли и чувства?

Ритка хорошенькая. Просто красавица. Но меня тянет к ней не только физиологически. Для некоторых мужиков трахать беременную чужую жену – это табу. Даже если она превратилась в свеженькую вдову. И тем более если она главная подозреваемая в деле, которое ты ведешь уже несколько месяцев. Но горькая правда в том, что я не желаю верить упрямым фактам. Не похожа она ни на убийцу, ни на лгунью, ни на отпетую негодяйку. Обычная девчонка, попавшая под раздачу при переделе бизнеса. И в моих силах защитить ее. Докопаться до правды. Под моим присмотром будет безопаснее, чем в следственном изоляторе. В ее положении-то, которое меня отчего-то абсолютно не смущает. Жизненная ситуация. Банальная.

Притягиваю ее ближе. Маленький пузожитель устраивается четко под моей ладонью и затихает. Как и его мать. Как и я. Случайный мужик, который решил взвалить на себя такую ответственность.

Утром меня ждут горячий завтрак и горячая девчонка, щеголяющая по кухне в моей футболке, которая смешно топорщится на животе. Хочу утянуть ее назад в спальню или лучше взять ее прямо на столе, но держу себя в руках. Ритка даже не представляет, как ей повезло, что она в таком положении. Потому что, когда я вез ее домой, мои побуждения не были столь благими.

За долгие месяцы она прочно засела в моих мыслях. Шутка ли – весь мой кабинет завален ее фото, на слуху постоянно ее имя. Я думал о ней. Я видел ее. Я следил за ней. Она. Она. Она. Маргарита. Туманова. И чем сильнее я увязал в ее жизни, тем больше ненавидел. И тем отчаяннее желал. И вот она очутилась в моей власти.

– Доброе утро, – мурлычет она. – Я приготовила завтрак. Не знала, чего ты хочешь, поэтому выбери по вкусу. Есть омлет с курицей и сыром, сэндвичи с ветчиной и грибами, сырники со сметаной.

Рита крутится у плиты спиной ко мне. Я чувствую аромат свежесваренного кофе. Подхожу сзади, глажу упругий зад девушки и привлекаю ее к себе для поцелуя. Мимолетом ощупываю живот. Он реален, как и все остальное, происходящее здесь и сейчас.

– Доброе утро, Рита, – усмехаюсь я гостье. – Смотри, разбалуешь.

Она краснеет от удовольствия и жметесь ближе. На короткое мгновение я забываюсь. Все кажется таким... уютным. Домашним. Полуголая маленькая женщина, завтрак, даже ребенок. Когда-то я об этом мечтал. Но моя жена – бывшая жена – никогда не хотела исполнять мои мечты.

Я накладываю в тарелку сырники и ставлю на стол.

– Ешь, это полезно для тебя и твоего пузожителя.

Она смеется, но слушается. А я накладываю себе омлет, наливаю кофе в чашку и с удовольствием начинаю новый день.

Перед уходом прошу Ритку сложить для меня сэндвичи. Опять забегаюсь настолько, что забуду про обед, а так хоть перекушу.

– Когда вернешься? – спрашивает она и напрягается в ожидании ответа.

– Не раньше шести.

– Ладно, – мнется она.

– Говори, – снова усмехаюсь я.

– Тут вчера к тебе приходила какая-то женщина... Я спросить хотела, ключей больше ни у кого нет? – Она испуганно смотрит на меня. – Ты не подумай, что я лезу не в свое дело, просто боюсь, что кто-нибудь меня увидит в твоём доме...

– Женщина? – удивляюсь я. – Ключи только у меня, не беспокойся. Даже не представляю, кто это, но попробую

узнать. Ладно, пока! Отдыхай и ешь витамины.

Как только я располагаюсь в кабинете со стаканчиком кофе и распаковываю бутерброд, ко мне без стука врывается Ангелина.

Майор Власова.

Моя бывшая жена.

Глава 7

Ярослав

Геля бесцеремонно усаживается напротив и скептически смотрит на бутерброд, лежащий на тарелочке передо мной.

– Так-так-так, Власов! Ты себе подружку завел? Домашняя еда на работе? У тебя?

– Тебя откуда черти принесли?

– Предложили заменить вышедшего на пенсию Николаева. – Она улыбается. – Я и примчалась сразу. Вчера приехала.

Удовлетворенно киваю своим мыслям. Одна загадка разгадана. Таинственная незнакомка найдена. Осталась такая малость – найти того, кто подставил Туманову, узнать зачем и посадить. Проще пареной репы!

– Хотела приватно предупредить, но дома тебя не застала, – сетует Власова.

– Как правило, днем я работаю. Ночью сплю. Вечером попиваю виски. Утром ем.

Кидаю многозначительный взгляд на тарелку, и она смеется.

– Ты ничуть не изменился, Власов. Хотя... что-то стало другим. – Она внимательно осматривает меня и ахает: – Да ты влюбился!

– Геля, иди к черту, – усмехаюсь я. – Я просто научился

готовить. И тебе бы это тоже не помешало.

– Мерзость, – кривится женщина. – Зачем это нужно?

– Чтобы радовать своего мужчину, конечно. Приятно, знаешь ли, встать к готовому сытному домашнему завтраку, выпить чашечку кофе...

– Я ее знаю? – прищуривается Ангелина. – Она из комитета?

– Упаси боже, – улыбаюсь я, а она с любопытством ждет подробностей. – Мне и тебя за глаза хватило. На всю жизнь. Чтобы я еще раз, да на те же грабли!..

– Власов, вообще-то это обидно.

– Добро пожаловать в Следственный комитет! – козыряю ей. – Надеюсь, вам понравится работать с нами, майор Власова.

– Благодарю, майор Власов. – Она поднимается. – Кстати, меня подключили к делу об убийстве Туманова. Поэтому хочешь не хочешь, а работаем мы теперь в одной связке. Я зайду минут через двадцать, надеюсь, к тому времени ты уже закончишь свою трапезу и сможешь ввести меня в курс дела.

Черт! Черт! Черт!

И хотя появление бывшей начисто отбивает аппетит и настроение, я приканчиваю сэндвич и вливаюсь в рабочий процесс. Снова и снова ищу нестыковки в протоколах опроса свидетелей, отмечаю спорные моменты, набрасываю план действий на сегодняшний день.

Нужно бы поехать переговорить с соседями Риткиных ро-

дителей, но неожиданно я погружаюсь в воспоминания.

Я только перевелся в этот город после развода, только заступил на службу в новый коллектив. Сколько прошло? Месяц, полтора? Ну, точно не больше двух, когда я принял это дело.

– Дело крайне деликатное, – сказал мне гражданин начальник. – Тормозной путь отсутствует, что говорит о неполадках системы или умышленном со стороны водителя нарушении. Ни то, ни другое, в зависимости от результатов проверки, не должно стать достоянием общественности. Это тест и теща самого Туманова.

Как человек мало осведомленный о том, кто такой «сам Туманов», первый свой визит я нанес к нему в особняк. До официальной повестки для малолетней дочери погибших при странных обстоятельствах супругов Пелевиных я хотел посмотреть своими глазами на этот фрукт, которого крупнейший бизнесмен и меценат города взял в жены каких-то пару месяцев назад.

Впрочем, встреча с Риткой в тот день не состоялась. Я увидел ее лишь мельком, на лестнице. Она неважно себя чувствовала, это было понятно сразу. Аркадий Туманов быстро хлопнул дверью кабинета, закрывая обзор, и отрезал: «Моя супруга больна и не в силах выдержать беседу». Я задал несколько вопросов, он ответил на них... А на следующий день гражданин начальник, брызжа слюной и распаляясь от этого все больше, сказал, что Туманов попросил проявить

деликатность и прислать для разговора с Маргаритой сотрудника женского пола. «Клоун, – решил тогда я. – Старик с раздутым эго, который отчаянно опасается, как бы молодая супруга не наставила ему рога».

Теперь все видится в другом свете. Если принять во внимание, что у Риты был сильный и затяжной токсикоз, становятся вполне понятны опасения Туманова. Он переживал за наследника. Но это никоим образом не отменяет вопрос, зачем кому-то утаивать информацию о беременности подозреваемой.

Я хочу вызвать к себе лейтенанта Дьяченко. Именно она опрашивала Ритку в первый и практически единственный раз. Аркадий закручивал гайки следствию все туже с каждым днем – очевидно, это было связано с его собственным ухудшающимся состоянием и непрекращающейся слабостью жены. В любом случае переговорить с Натальей Михайловной в очередной раз лишним не будет.

Именно это я и пытаюсь осуществить, когда Геля снова бесцеремонно вваливается в мой кабинет.

– Ну, Власов, рассказывай. Где Туманова?

Я устраиваюсь поудобнее, киваю ей в сторону кресла напротив, и она присаживается.

– Ну так что, Ярик? – вкрадчиво спрашивает Ангелина. – В жизни не поверю, что ты упустил подозреваемую.

– Скорее всего, ее вывезли из города во время пожара. – Я подаюсь в ее сторону. – Гель, там не дело, а чертово недо-

разумение. Пара клоунов пытались похитить Туманову, но у них из-под носа ее увел какой-то мужчина. После этого, по словам очевидцев, они скрылись на черном или темном автомобиле представительского класса в неизвестном направлении. Дороги перекрыли не сразу...

– Не думаю, что они успели проскочить, – цокает Ангелина. – Сколько у них было времени?

– Час с небольшим с момента начала пожара.

Власова резко отъезжает на стуле, подхватывает со стеллажа дорожную карту и раскладывает ее между нами.

– Дай карандаш, – задумчиво просит она, и я выполняю просьбу. – Смотри, Ярик. Допустим, подозреваемая и ее сообщник решили скрыться для начала в соседней области, так?

– Допустим, – не возражаю я.

– Значит, есть всего три подходящих направления: это, это и это. – Она чертит на карте три линии. – Эта дорога – наиболее перспективный вариант.

Она обводит кривоватым овалом ту самую дорогу, по которой я мчал в ночь пожара. С усмешкой киваю жене. Бывшей жене.

– Безусловно, Власова, ты права. Любой здравомыслящий человек выберет наиболее короткий путь к точке Б, но это...

– Вот и я говорю, Власов. В городе она. Или в ближайшем пригороде. Даже два с половиной часа – возьмем по минимуму, – чтобы пересечь границу области и успеть выехать, –

это крайне рискованно.

– Я бы успел, – поддеваю ее с улыбкой. – Ты бы тоже.

– Так то мы, – отмахивается женщина и жует мой карандаш.

Я чуть хмурюсь, словно снова очутился в своем прошлом, в котором мы с Гелей, еще будучи женатыми, просиживали над очередной загадкой днями и ночами напролет. Обгрызенный карандаш, выбившаяся прядка волос, сколотый лак на ногтях – все в ее образе бьет по моим нервным окончаниям. Невольно я присматриваюсь к молодой ухоженной майорше, которая более десяти лет была моим светом, моим путеводителем, моим двигателем. В уголках глаз скопились едва заметные морщинки. Раньше она часто смеялась, а теперь? Есть ли в ее жизни человек, который скрашивает вечера тяжелых трудовых будней, с которым она проводит свои редкие выходные?

Она вытягивает губы в трубочку, втягивая карандаш глубже в рот, и замирает.

– Власов, я поняла! Поняла! – восклицает Ангелина, отбрасывая карандаш обратно ко мне. – Это кто-то из персонала Туманова!

– С чего ты взяла?

– Сам посуди! Максим Аверьяненко и Федор Звягинцев утверждают, что Туманова ломала комедию, цитирую, «словно знала, что она в безопасности». Так? Может, она действительно знала, что в безопасности, что сейчас ей на

выручку придет ее сообщник.

– Зачем же устроила цирк? – Я закатываю глаза.

– Чтобы они могли сказать, что незнакомый субъект увел у них девочку из-под носа... Я чувствую, Власов, что правда вот тут, на поверхности... Туманова молодая девица, неужели ты думаешь, что она просто сидела со стариком-мужем? Я уверена, что она вполне могла завести интрижку с кем-то из охраны или прочего персонала, вступить с любовником в сговор и прикончить муженька.

– Логично, но вот тебе, Власова, нестыковка: Маргарита Туманова осталась ни с чем. В пожаре сгорело все добро, счета заморожены до результатов следствия.

– У нее могли остаться приличные накопления. Если из нескольких миллиардов взять несколько миллионов, заранее вывезти из особняка наиболее ценные цацки, подготовить документы и наличку, то их отсутствие потом можно списать на пожар... Возможно, по их преступному замыслу и сама Маргарита Викторовна должна была исчезнуть в том пожаре, но что-то пошло не так... Объявление это, опять же... словно мудрит кто-то. А какая цель? Если все потеряно в огне...

– И что ты предлагаешь, Ангелин? – прищуриваюсь я.

– Нужно пообщаться с подходящими по возрасту кандидатами, осмотреть их дома, дачи, квартиры, сараи, гаражи... Чувствую, в городе Туманова. – Власова смотрит мне прямо в глаза. – И мы ее найдем.

Глава 8

Ярослав

На третьем адресе мои нервы уже на пределе. Одно и то же, чуть хамоватое «ничего не видел, ничего не слышал, нечего рассказать», скорее, как издержки профессии. Охрана элитного жилья и баснословно богатых владельцев этого жилья – не шутки. Здесь не любят охотников почесать языком.

Однако Ангелина с упрямством цербера подбивает свой список, в котором для меня нет абсолютно никакого смысла, но я таскаюсь с ней по всему городу в надежде выиграть немного времени для собственного расследования.

– Прервемся на обед? – предлагает Гелька. – Или охватим следующую кандидатуру?

– Какой адрес? Если у черта на куличках, то сперва обед...

– Вот, смотри, – перебивает она, подсовывая мне под нос свой блокнот.

Я скашиваю глаза, отвлекаясь от дороги. Адрес следующего претендента на роль воображаемого любовника Ритки располагается близко, практически за углом.

– Ладно, сначала к нему.

Дверь нам открывают не сразу. Я уже хочу плюнуть и остановить Ангелину, трезвонящую в ветхую дверь, когда на по-

роге возникает молодой мужчина болезненного вида.

– Соломин Константин Геннадьевич? – уточняет Власова, и тот кивает. – Здравствуйте. Майор Власова Ангелина Анатольевна, Следственный комитет. Это мой коллега, майор Власов Ярослав Сергеевич.

Константин бросает мимолетный взгляд на наши корочки, понимающе ухмыляется одинаковым фамилиям, но никак их не комментирует, только жестом приглашает войти.

– О чем же вы хотели побеседовать со мной, майоры?

– О Маргарите Викторовне Тумановой, – с места в карьер бросается Геля, пока я осматриваюсь.

В приглушенном свете пыльной люстры без пары лампочек явно различаются бардак и захламление. В комнате стоит запах затхлости. Словно это и не жилое помещение вовсе.

– Риту до сих пор не нашли? – тихо спрашивает мужчина.

Я напрягаюсь. Больно интимный вопрос для простого сотрудника охраны. Вижу в глазах Гельки лучики самодовольства. Сейчас просто лопнет от гордости, что сразу раскусила беглянку!

– Вы не подумайте, – тут же осекается Соломин, – я Маргариту Викторовну еще по старой памяти Ритой зову. Раньше мы были соседями. Точнее, мы жили по соседству с ее бабушкой. Потом бабушки не стало, а мы съехали – сестра забеременела, вышла замуж, вот родители и разменяли трешку на три однушки. Я Ритку помню еще карапузом в коляске, но сразу узнал в новой хозяйке эту девочку.

– И как бы вы могли охарактеризовать гражданку Туманову?

– Странная она, – выдает Константин. – Я ее за полгода работы у хозяина видел от силы раз десять. В основном когда она куда-то выезжала. С ней работали другие сотрудники. Туманов не позволял никому младше сорока лет ее сопровождать. Ревновал, видимо. Но Рита вообще чаще одна ездила, злилась сильно, что муж против, словно тайна у нее была...

– И неужели никто не следил за Маргаритой Викторовной?

– Поначалу муж приставлял к ней охрану, но там ничего такого не было – салоны красоты, фитнес, шопинг, больница...

– Она что же, болела? – спрашивает Ангелина, и я обостряю слух.

Если сейчас Соломин расскажет о Риткиной беременности, можно будет уже официально работать в данном направлении. Одного свидетельского показания будет достаточно, чтобы поставить под жирный знак вопроса показания соседей Пелевиных и не выдать собственную осведомленность раньше времени.

Я готов рискнуть головой и служебным положением ради правого дела. Мне бы только точно знать, что я не совершаю самую большую ошибку в своей жизни.

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – разочаровывает

меня Соломин. – Говорю же, странные эти Тумановы были. Вроде и муж с женой, а жили раздельно. Кухарка судачила, что Рита заболела сильно, несколько недель вообще ее не видно и не слышно было. Это потом она уже начала везде ездить и мужу истерики закатывать, чтобы никакой охраны и все такое.

– И чем же она была больна? – давлю на него, вызывая раздражение у Власовой. – Какие-то симптомы были озвучены? Может, известно, у какого врача она наблюдалась?

– Да какое там! – усмехается Соломин. – Лично я считаю, что он ее просто избил. Может, в ссоре, может, в ходе любовных игрищ... Всякое болтали.

– Например? – живо интересуется Ангелина.

Отчего-то я уверен, что эти откровения не придутся мне по душе, да только выбора мне не оставили.

– До свадьбы Аркадий Туманов был завсегдатаем одной богадельни, пафосного местечка для любителей погорячее. Девочки профессиональные, под эти услуги заточенные. Отдельные кабинеты.

– Шлюх по борделям снимал? – хмыкает Геля, а я морщусь.

– Не просто снимал, – кривится Соломин. – Поговаривают, что Туманов частенько любил над продажными девками поиздеваться.

– БДСМ? – снова интересуется Ангелина.

– Просто садист. Одну порезал, другой руку сломал, тре-

тью избил до полусмерти и трахал, пока она кровью истекала. Уверен, нечто подобное он сотворил и со своей молодой женой, вот она и отлеживалась взаперти...

Мои руки непроизвольно сжимаются в кулаки. До смачного хруста костяшек. Геля бросает на меня порицающий взгляд, но ничего не говорит.

– Но точно вы в этом не уверены? – уточняет она у свидетеля.

– Сам ее в синяках не видел, в полицию на мужа она не заявляла. – Он разводит руками. – Обслуга разное трепала, вы поймите. А как там было на самом деле, разве что только Маргарите и известно.

– Маргарите, которая в бегах, – резюмирует Ангелина, поднимаясь. – Спасибо за помощь следствию, Константин Геннадьевич. Будьте на связи и постарайтесь надолго не покидать пределы города – вас могут вызвать для дачи показаний.

– Как скажете, майор!

Мы покидаем квартиру Соломина в некоем раздрае. Каждый по своему поводу, конечно.

– Что думаешь, Власов? – спрашивает Гелька в машине. – Я теперь просто уверена, что Туманова кокнула мужа и подалась в бега. Сам посуди, она же была совсем девочкой, когда вышла за него замуж. А тут – откровенная жестокость, возможно, грубое насилие, причинение вреда здоровью... Нет, чисто по-женски мне ее даже жалко. Редкая психика выдер-

жит. Но вот чего я никогда не могу понять – убивать-то зачем? Двадцать первый век на дворе, обратиться в органы и живи спокойно.

– Гель, когда состояние исчисляется суммами с девятью нулями, нельзя просто взять и сообщить, что твой муж грёбаный сексуальный извращенец и садюга.

– Если это правда, Власов, то она не просто жертва. Не вздумай ее жалеть. Она больная на всю голову, коли спокойно дожидалась своего выздоровления, чтобы прихлопнуть мужа.

– А если все не так?

– А как, Власов? Родителей убила, потому что замуж за извращенца выдали; мужа – за жестокость. Страшно представить, что у этой девки в голове и что будет происходить дальше, когда ей придется подчищать следы.

– Да не похожа она на убийцу. Руку готов дать на отсечение – что-то не так в этой истории.

– Ну, знаешь ли! Если бы все убийцы были похожи на убийц, у нас с тобой работы бы не было.

Ангелина обиженно вздыхает и смотрит в окно. Ее всегда обижало, когда наши мнения в рамках общего дела расходились. Но раньше это имело хоть какой-то смысл, пусть и весьма поверхностный. Мы были мужем и женой, и разные умозаключения на один и тот же счет уже говорили о многом. К сожалению, иногда становится слишком поздно что-то менять или меняться самому.

– Где тебя посадить, Гель?

– Обедом не накормишь? – усмехается она.

– В другой раз. Уже поздно, а у меня еще есть дела.

– Вечер пятницы, а ты при делах? – Ангелина внимательно смотрит на меня.

– Ничего особенного. Так, заехать в пару мест, а потом – домой, к телику со стаканчиком вискаря. Устал, Гель. Сил нет. Это дело уже в печенках сидит.

– Ничего, разберемся, Власов. Вот увидишь, скоро отыщем Туманову. Сядет красавица надолго. Останови возле супермаркета – дома шаром покати.

– Тебя подождать?

– Зачем? – с горечью спрашивает жена. Бывшая. – В гости все равно не зайдешь, да и к себе не приглашаешь. Давай, Власов, увидимся.

Я смотрю, как ее фигура скрывается в здании торгового центра, паркуюсь с другой стороны и дожидаясь, когда она появится с двумя увесистыми пакетами. Ангелина ловит такси и отчаливает в сгущающиеся сумерки.

А я иду к магазину с Ритиным списком. Беру с запасом, так как не знаю, получится ли еще выбраться теперь, когда Власова вышла на след, пусть и неверный, с моей точки зрения. Но пока я не разберусь, что за чертовщина происходит вокруг Ритки, лучше не подставляться лишний раз. Полечу с должности – шансов помочь ей не будет. Закупаю свежих фруктов и овощей побольше. Им с пужожителем нужно хо-

рошо питаться. Пусть ей и хочется быстрых и вредных углеводов, богатый рацион – это основа всех основ. Не уверен, что в ближайшее время Туманова попадет к врачу, а проблем хотелось бы избежать.

В довершение всего захожу в аптеку и скупаю все, что мне советует провизор. Комплексный витамин для беременных, какие-то злаковые батончики, фолиевую кислоту, таблетки пустырника, тонометр, масло от растяжек. Я ничего в этом не смыслю, но надеюсь, что Ритка сама разберется, что нужно делать со всем этим добром.

После моего спонтанного шопинга салон и багажник забиты под завязку. И все равно мне кажется, что я забыл что-то очень важное, просто необходимое. Но я не могу вспомнить, что.

Дома стоит непроглядная темень. Я загоняю машину в гараж, вырабатывая новую привычку, и вынимаю пакеты с продуктами. Свет везде выключен, лишь в гостиной слабо мерцает телевизор.

На диване, свернувшись забавной закорючкой, спит Ритка, обнимая свой круглый живот обеими руками. Трогательная, нежная, беззащитная. Ну какая из нее убийца? Она хочет казаться сильнее, чем есть на самом деле, но даже мне, случайному прохожему в ее жизни, видно, как сильно ее изнуряют беременность и стрессы. Девяти часов еще нет, а она крепко спит. И мне бы ее не беспокоить, но я лишь представляю, как ей неудобно, и сразу подхватываю девушку на руки.

Памятуя события вчерашней ночи, сразу несу ее наверх, в свою спальню, и плотно укутываю в одеяло.

В кухне обнаруживаю накрытый на двоих стол. Судя по всему, моя гостя так и не успела поужинать. Нужно будет предупредить Риту, что график моих возвращений не нормирован и ей вовсе не обязательно дожидаться меня к ужину.

Когда с продуктами покончено, я распределяю аптечные покупки: тонометр и масло – в сервант в гостиной, таблетки – в холодильник, а витамины оставляю на видном месте, возле графина и соковыжималки, чтобы не забывала принимать.

С ноткой грусти убираю со стола лишние приборы, наливаю в стакан виски на пару глотков и разогреваю сочный стейк. В качестве гарнира – замысловатый салат, но я голоден как слон, поэтому с радостью пробую Риткины угощения.

И стоит лишь пригубить огненное пойло, как раздается звонок в дверь. Торопливо распакиваю ее настежь и вижу Ангелину. В ее руке початая бутылка вина – очевидно, не первая.

– Привет, Власов! – обольстительно улыбается Геля, распакивая пальто. – Впустишь?

Окидывая взглядом ее фигуру, я не могу сдержать усмешку:

– Ну заходи, раз пришла.

Глава 9

Ярослав

Ангелина, покачиваясь из стороны в сторону на высоких каблуках, проходит в просторный холл и с любопытством осматривается. Скидывает пальто и разувается, едва не завалившись на пол. Она заливисто смеется, и я всеми силами сдерживаю раздражительность.

– У тебя есть что-нибудь поесть, Власов? – Геля бесцеремонно проходит в кухню и шарит по сковородкам. – Мяско, супер!

– Гель, ты зачем пришла? – спрашиваю я, стоя в проходе. Ну, просто на всякий случай.

– Соскучилась я, Ярик. Веришь? Думала, отпустило, а выходит – нет. – Она опускается на стул и горестно вздыхает. – Разве ты не чувствуешь того же?

– Ангелин...

– Ладно, если ты не хочешь говорить о нас, давай просто выпьем, посидим, поедим. – Геля встает и кружит по кухне в поисках тарелки. – Поговорим о чем-нибудь другом... О Тумановой, например. Тебе же нравится говорить о Тумановой, а, Ярик?

Неожиданно она застывает. Я не сразу понимаю, что случилось, поначалу мне кажется, что ей вдруг стало плохо.

– Витамины для беременных? – присвистывает Ангелина, а я мысленно чертыхаюсь. – Что это за фигня, Власов?!

– Я надеюсь, ты в курсе, что все самое полезное делают для пузатых? – цежу сквозь зубы. – Сбалансированный состав. Зубы, волосы, кожа и кости – как десять лет назад. Я почти позабыл о болях в суставах!

– Да? Надо будет попробовать. – Геля подхватывает баночку и тщательно изучает со всех сторон.

Я расслабляюсь и с усмешкой наблюдаю за женщиной. Сомневаюсь, что завтра она вспомнит о витаминах. Как и о своем визите ко мне. Если только она не разыгрывает комедию, потому что о чем-то догадалась – с нее станется! Хотя разит от нее не по-детски, я не теряю бдительность.

– Я тебе куплю такие же, – даю обещание, выхватывая у нее из рук и убирая на полку в настенный шкафчик позвякивающий пузырек с таблетками. – Налить тебе воды?

– Я не хочу воды, Власов, – хихикает Геля. – Я хочу вина!

– Гель, мне кажется, тебе на сегодня достаточно.

– Ты больше не мой муж, Власов. Теперь я сама решаю, когда достаточно.

– Как скажешь, – тихо смеюсь в ответ и подаю бокал.

Ангелина наполняет его из собственной бутылки, протягивает мне, и мы чокаемся. Она делает несколько щедрых глотков, а я едва пригубливаю.

Присутствие Власовой в том же доме, где находится Туманова, кажется полным абсурдом. Вот только мне просто

необходимо убедиться, что бывшая жена не копает под меня.

– Ангелин, так зачем, ты говоришь, пришла?

– Мне скучно проводить вечер пятницы в одиночестве, и я решила, что раз ты тоже собрался скучать один, то почему бы нашим двум одиночествам не соединиться этим пятничным вечером? Видишь, какая я сообразительная? Разве не здорово?

– Ты же понимаешь, что не можешь просто заваливаться ко мне домой каждый раз, когда тебе это приходит в голову? Я могу быть не один, и мне не хотелось бы...

– Да поняла я, Власов, поняла. – Геля закатывает глаза. – У тебя насыщенная личная жизнь. А у меня – нет.

– Гель, мы друзья, – напоминаю ей. – Я всегда рад тебе. Но, пожалуйста, после созвона.

Она поднимает на меня покрасневшие глаза, и я вздыхаю. Не просто так она примчалась, едва получив предложение о переводе.

– Я пьяна. Только это меня и оправдывает, Власов. Но ты знаешь, что я никогда не говорю то, чего не подразумеваю.

Пытаюсь остановить ее:

– Ангелин, не говори то, о чем впоследствии будешь жалеть.

– Я не пожалею.

– Пожалеешь, Гелька, пожалеешь, – усмехаюсь ей по-доброму.

Семь месяцев назад жизнь бы отдал, лишь бы она снова

сидела рядом и несла этот сладкий бред. А теперь... Столько времени прошло, что и вспомнить невозможно, почему я ее полюбил. Да и что там скрывать – до сих пор люблю. Просто стал старше и мудрее на целую жизнь без нее.

– Давай переспим? – предлагает она прямо, и я заливаюсь смехом.

– Ангелин, друзья не спят друг с другом.

– Я решила пересмотреть условия нашей дружбы.

Она облизывает губы и ставит бокал на стол. Тянет лямку платья вниз, оголяя плечо. Я, как замороженный, смотрю на полоску белоснежной кожи на месте лямки от бюстгальтера, а потом перевожу взгляд на ее лицо.

В ее глазах глухая тоска, граничащая с отчаянием. Видимо, так выглядит одиночество. Пустые холодные ночи. Отсутствие в жизни близкого человека.

Именно это я наблюдал день за днем в собственном отражении. А потом погрузился в работу на новом месте, получил это дело и помешался на Ритке.

Которая, к слову, может в любой момент спуститься вниз, потому что маленькое чудовище внутри нее потребует свой ночной деликатес.

– Я отвезу тебя домой, Ангелин, – твердо говорю ей тоном, не терпящим возражений.

– Ладно, я все поняла. – Она надувает губы. – Я просто допью вино и уберусь восвояси. Честное пионерское.

– Ты даже не была пионером, – мягко журю ее.

– Я была октябреньком!

– Ну конечно, это в корне меняет суть дела, – с усмешкой киваю ей и залпом осушаю стакан. – Твое здоровье!

– Какая она, а, Власов? – неожиданно спрашивает Ангелина.

– Кто «она»?

– Женщина, которую ты полюбил.

– Гель, я же уже сказал, мне тебя хватило за глаза. Нет никакой женщины.

– Не втирай мне здесь, – ухмыляется она и пригубливает бокал. И тут же, очевидно, передумав, делает несколько крупных глотков. – Я тебя знаю. Мы же друзья. Я просто пытаюсь понять, стоит игра свеч или нет.

– Невозможно войти в одну реку дважды, и ты прекрасно это понимаешь. Не усугубляй – знаешь ведь, что работать вместе после этого мы не сможем. Уже проходили. Только я больше не собираюсь переезжать. Меня более чем устраивает моя жизнь в этом городе. Допила? Сейчас я выгоню тачку из гаража и отвезу тебя домой.

Я не жду, скажет она мне что-то в ответ или нет. Сейчас я взвинчен до предела, как натянутая тетива. Ангелина прекрасный следователь, добрый и отзывчивый человек, но женщина она – никудышная. По молодости казалось: ну что еще можно пожелать? Умная, красивая, с обалденной фигурой, изящными манерами, грамотной речью. Не стыдно и домой привести, и друзьям показать. Одно удовольствие в работе.

Но я мужик простой. Мне пожрать нужно вечером, вернуться в чистый дом. Да и детей рано или поздно рожают все.

Рано она побоялась. Поздно не захотела. Дом хирел с каждым делом все больше, а изжога от переваренных макарон уже не проходила. Мы все чаще перестали сходиться во мнениях в рамках общего расследования, и я понял, что наступил мой личный предел. Спросил однажды, какой ей видится жизнь через пять лет. Меня в ее планах не было. Ни нашей семьи, ни ребенка, хотя бы одного, ни собаки, ни кошки, ни даже чертового хомяка. Работа, повышение, карьерный рост, громкие дела, признание, уважение, слава. Ради этого давиться в ночи пустыми слипшимися макаронами? Увольте! Как бы я ни любил эту женщину, как бы она ни заводила меня в постели – любви и страсти недостаточно, чтобы продолжать тянуть на горбу ярмо брака. Я бы свернул ради нее горы, лишь бы знать, что ей это надо. Как оказалось, мои стремления ею не были оценены. А раз так, зачем насиловать себя?

Взбегаю по лестнице, чтобы проверить Ритку, но та крепко спит.

Некстати вспоминаю о пакетах с вещами, которые оставил в машине. Лишние секунды, на которые мне бы не хотелось оставлять Гельку без присмотра в своем доме. Но я же не могу просто заняться распаковкой при ней. Дилемма.

На свой страх и риск, взглянув на Ангелину, которая продолжает топить одиночество в бокале, я быстро освобождаю

от покупок салон, сгружаю все в одну кучу в гараже, выгоняю машину и возвращаюсь в дом.

Но в кухне не обнаруживаю Ангелину. Шестым чувством ощущаю, что внизу ее искать бесполезно, и быстро мчусь по лестнице на второй этаж.

Там, у дверей моей спальни, стоит бывшая жена. Ее рука взмывает в воздух и не сразу, но ложится на блестящую ручку. Секунда, и мой секрет будет раскрыт.

Я не знаю, чего можно ожидать от Власовой. Мы практически не общались целых семь месяцев. У нас и раньше были проблемы с пониманием друг друга, а теперь и подавно.

Изящные пальцы обхватывают дверную ручку и мягко опускают блестящий хром вниз. Тихо скрипнув язычком замка, дверь приоткрывается, образуя в темноте спальни дорожку тусклого света, льющегося из коридора.

– Геля!

Хриплый шепот на выдохе прорезает пронзительную тишину, в два размашистых шага я подхожу к женщине, сжимаю ее талию руками, тяну на себя, различая за оглушительным биением собственного сердца шорохи и возню со стороны кровати, и впиваюсь в ее губы поцелуем, плотно закрывая дверь за ее спиной.

Я не чувствую ничего. Да, каждое движение губ и языка знакомы до чертиков. Да, движения пальцев, цепляющихся за одежду, я смогу воспроизвести карандашом с закрытыми глазами и в малейших деталях. Но я не чувствую прилива

нежности. Да даже чертового возбуждения не чувствую! Ни единого шевеления в штанах. Напротив, такое чувство, словно совершаю долбаную ошибку, словно творю немыслимую глупость. Словно целую очень дальнюю родственницу – вроде и не совсем запрещенка, но внутри гадко и мерзко.

Я оттесняю Ангелину к лестнице, пару раз врезаюсь в стены, подхватываю ее на руки и спускаю вниз. Бухаюсь на диван в гостиной, подминая под себя податливое тело бывшей жены. Думаю, что произойдет раньше: я взорвусь, или она отрубится? Смотрит осоловело, но активно принимает участие в нашем поцелуе.

Геля забрасывает ноги мне на поясницу, прижимается своей сердцевинкой к моему паху и разочарованно стонет. И тут же со всей дури лупит меня по лицу.

– Ненавижу тебя, Власов! Просто ненавижу! – Она отпикивает меня от себя, и я мгновенно отскакиваю. – Мне твоя жалость не нужна, придурок! Ты понял меня?

Она кое-как поднимается на ноги, но снова падает на диван и начинает плакать. Так горько и отчаянно, что мне просто не хватает духу ни утешить ее, ни предложить отвезти домой. Так и стою истуканом, глядя на бывшую жену.

Пока она сама не просит:

– Вызови мне такси, Власов.

– Я отвезу тебя, – киваю я.

Полминуты на сборы, и я помогаю Ангелине обуться и накинуть пальто. Мне буквально приходится тащить ее до тач-

ки, но лучше так, чем она заснет у меня и обнаружит Ритку. Все, что угодно, лучше обнаружения Ритки!

Мы уже почти доезжаем до нового адреса Ангелины, когда она вдруг хрипит:

– Останови, Власов.

Я резко жму по тормозам. Она едва успевает открыть дверцу и свеситься – все ее возлияния с шумом покидают желудок. Постукивая по рулю, я дожидаясь, когда Геля закончит, протягиваю ей влажные салфетки и бутылочку минеральной воды и продолжаю движение.

– Вот мы и приехали.

Я паркуюсь у подъезда и поворачиваюсь к жене. Она слабо кивает, снова распахивая дверь, а я протяжно выдыхаю. Как бы то ни было, я не могу оставить ее одну в таком состоянии.

– Ну, Гелька, зови в гости, – потираю руки, игнорируя ее протест.

Привычный бардак – первое, что бросается в глаза. И вместе с ним знакомый запах повсюду. Аромат некогда родной женщины ударяет в голову, словно я вернулся наконец домой после долгого отсутствия. Это довольно странное чувство. Мне некомфортно находиться здесь, на ее территории, но я гоню прочь воспоминания и концентрирую внимание на причине, которая меня сюда привела.

– Давай, Гелька, раздеваться, – приговариваю я, помогая бывшей. – Сейчас в душик, потом крепкий чай и баиньки.

– Я не хочу в душик, – капризно протягивает она. – И чай

не хочу! Спать хочу, Власов!

– Знаю, но так надо.

– Почему ты всегда такой правильный, Ярик? Аж до тошноты! Буэ! Сам еще от себя не устал? Ты вообще хоть раз отступал от правил? Пробовал просто жить? Да ты же безвкусный, черствый... сухарь!

Удивилась бы она, знай наверняка, как сильно я отступил от правил! Я усмехаюсь, продолжая ее раздевать и ведя в ванную.

Настраиваю воду, а Геля спрашивает:

– Ты пойдешь со мной?

– Нет, просто присмотрю, чтобы ты была в порядке.

Она вскидывает брови и стягивает нижнее белье. А потом, нагло улыбаясь и всячески подсовывая мне под нос свои прелести, просит:

– Помоги в ванну забраться, Власов. Шатает, боюсь, упаду.

И я, стиснув зубы, снова обхватываю ее уже обнаженное тело ручищами и быстро опускаю женские ступни на глянцевою поверхность белоснежного цвета.

– Присоединяйся, Власов, – льнет она ко мне всем телом, резко подаваясь вперед.

Я кремень. Твердость моей воли не отнять. Нет такой силы, которая заставит меня делать то, чего я не хочу. Я убираю от себя ее руки.

– Душ, чай, сон, – строго говорю ей, глядя прямо в глаза. –

Я побуду рядом на случай, если тебе станет плохо, но все остальное – сразу нет. Ты больше не привлекаешь меня как женщина, Ангелин, а спать с той, кого считаешь чуть ли не сестрой... Полное кошунство.

Глава 10

Маргарита

Какое-то неясное предчувствие будит меня. Сердце колотится на разрыв. Как у загнанного в ловушку животного. Это последствия сна, или?..

Прислушиваюсь к тихим, едва различимым звукам, доносящимся из-за двери. Я в спальне. В его спальне. Значит, Ярослав вернулся домой.

Я хочу спуститься вниз и поужинать, потому что живот сводит судорогой. Мой малыш беспокойно крутится и никак не может улечься, подхватывая мое волнение и чувствуя тот же голод.

Неожиданно дверь приоткрывается. В полоске яркого света, который ослепляет меня резкой вспышкой, я различаю смутные очертания двух фигур, мужской и женской. Чуть подаюсь вперед, скрываясь в темноте, но не перестаю наблюдать за ними.

И вот, мужчина... целует женщину.

Дверь закрывается. В коридоре слышится возня, глухие удары о стену. словно в порыве страсти пара не может различить дорогу. Или им требуется упор для... своих игр.

Желчь подкатывает к самому горлу, низ живота каменеет. Я тихонько, на цыпочках, пробираюсь в уборную и склоня-

юсь над раковиной. Пробую отдышаться, но страх сковывает своими цепкими лапами.

Я просто поверить не могу, что Ярослав, рискуя нами обоими, притащил в дом какую-то бабу! Я действительно считала, что он осознает всю степень серьезности своего поступка, что понимает, чем мне грозит встреча с кем-либо. Чем она грозит ему самому, в конце концов! Но его беспечность вызывает во мне волну горького разочарования. Кому я доверилась? Мужчине, который меняет баб по дням недели и не может устоять перед ночными визитершами?

Я осторожно выглядываю в коридор и слышу скрип дивана в гостиной. Какая мерзость! На том же самом месте, где Ярослав... трогал меня, сейчас он трахает какую-то другую женщину... И меня невероятно злит этот факт! Нет, конечно, я знала, что мужчины врут. Но чтобы вот так, нагло и беспринципно – для меня это полное откровение.

Я упрямо сжимаю губы и снова прячусь в спасительной темноте спальни, плотно закрывая дверь. Расхаживаю из угла в угол, чтобы успокоиться, но лишь больше завожусь.

Дура! Какая же я дура! На кого понадеялась? Очевидно, он за секс кого угодно продаст, не то что меня. И как бы мне ни было горько осознавать это, мне все же придется, по всей видимости, выкарабкиваться из проблем самостоятельно.

Когда возня и голоса внизу стихают и хлопает входная дверь, я спускаюсь на первый этаж, оглядываю беспорядок, учиненный мужчиной и его ночной гостьей, делаю се-

бе несколько бутербродов и чай. Не буду убирать его дом! И готовить больше не стану!

Вот дождусь, когда он вернется, и потребую вывезти меня из города. А там... Продам кольца, обустроюсь где-нибудь на первое время. Тихо досижу до родов... Мне бы только продержаться месяцев пять! Ну хорошо, хотя бы четыре. Податься в бега по стране с новорожденным ребенком – смертоубийство. Но выбора у меня нет. В тюрьме мою кроху заберут. Отправят в детский дом или вообще отдадут чужим людям. А этого никак нельзя допускать! Если моего малыша у меня заберут... разве будет ради чего жить? Ради чего бороться? Поэтому мне просто необходимо притаиться на как можно более долгий срок.

Зря я понадеялась на этого незнакомца. Абсолютно зря. Нужно было бежать, когда он вывез меня из города. Сейчас я была бы уже далеко-далеко от всех проблем и от него самого.

Я брезгую садиться на диван, где хозяин этого дома забавлялся со своей гостьей. Устраиваюсь в глубоком кресле и включаю телевизор. Надеюсь, Ярослав вернется один, а не с этой женщиной, но сил подниматься обратно на второй этаж у меня уже нет. Я устраиваюсь поудобнее в кресле и засыпаю.

А просыпаюсь снова в спальне хозяина. Здесь же, на полу, с удивлением обнаруживаю горы пакетов с одеждой. Это что, какая-то альтернативная реальность? Разглядываю шмотки и изумляюсь: ну надо же, Ярослав купил мне больше того, что я просила!

Иду в душ, надеваю новенькое хлопковое белье, спортивные брюки с высокой резинкой на талии и футболку с длинными рукавами. Так мне гораздо комфортнее, чем в мужской футболке, хотя последняя и выигрывает в плане удобства.

Спускаюсь вниз, где нет ни единого намека на вчерашний инцидент и вкусно пахнет свежей едой, и натыкаюсь на нагловатый взгляд Ярослава.

– Доброе утро, Рита, – с усмешкой бросает он. – Прекрасно выглядишь. Я боялся промахнуться с размером.

Я молчу. Мужчина не выглядит ни уставшим, ни помятым. Не выглядит так, словно недавно слез с другой женщины.

– Давай завтракать.

Он ставит на стол тарелки и берется за сковородку, а я не выдерживаю:

– Ничего не хочешь мне объяснить?

Он поднимает на меня серьезный взгляд.

– Не припоминаю, чтобы я был обязан в чем-то отчитываться перед тобой. Ты мне кто – подружка, жена, любимая?

Пока я, потеряв дар речи, стараюсь не пыхтеть от возмущения, Ярослав сжимает губы, но они все равно расползаются в дурацкую улыбочку, и вот он уже покатывается со смеху.

– Черт, Ритуль, ты точно не лопнешь, как переспелый арбуз? Такая напряженная... – шутливо говорит он, отсмеявшись. – Ты такая хорошенькая, когда злишься, просто пре-

лесть. Ревнуешь, конфетка? Тебе не о чем переживать. Ты – моя единственная. Ты и еще это нечто, не то сын, не то дочь. – Он бросает взгляд на мой живот.

– Ты реально идиот или остаток мозга спустил вместе с семенем? – медленно проговариваю я, почему-то начиная успокаиваться. – С какого это перепугу меня должно волновать, с кем ты спишь?

– Ну точно ревнуешь, – мечтательно вздыхает мужчина, подкрадываясь ближе.

– Я. Не. Ревную!

Топаю ногой от возмущения, и его губы расплзаются в сексуальной усмешке.

– Еще как ревнуешь! Не бойся, я никому не расскажу.

– Ярослав, вообще-то я серьезно. Ты считаешь, что меня волнует, с кем ты спишь? Так вот, это не так!

Я быстро тараторю, усиленно игнорируя его передвижения вокруг меня. Он словно охотник, загоняющий дичь в ловушку, чуть ли не облизывается на меня.

– Я не ревную, ясно? Все, что меня волнует – это какого черта ты не понимаешь, что, приводя сюда случайных или неслучайных женщин, ты можешь выдать меня...

– Рита!

Он привлекает мое внимание, обхватывая ладонями мои плечи и заглядывая мне в глаза.

– Рит, я никогда бы не подвергнул тебя такой опасности. Вчера мне пришлось прибегнуть к экстренным мерам, по-

сколькy к нам домой заявила моя жена...

Мои глаза сужаются, а голос становится вдруг истошно-визгливым:

– Так ты еще и женат?!

Мужчина смотрит на меня... странно. С восхищением, что ли. И снова говорит несусветную чушь:

– Точно! Ревнуешь!

– Возможно, – говорю нехотя. – Это очень маловероятно, Ярослав, но я не исключаю, что меня немножко, – показываю ему крохотное расстояние между большим и указательным пальцами, а он внимательно смотрит и слушает, – самую малость беспокоит твоя половая распущенность. Это ввиду того, что ты можешь принести какую-нибудь заразу, а это вредно для моего ребенка. Только из-за этого.

– Я не спал со своей бывшей, – мгновенно заверяет Ярослав. – Только отвлекал, чтобы она не увидела тебя, Рит. Я запаниковал, честно...

Мне становится легче на душе. Невообразимо, насколько легче, что слишком подозрительно.

– Это только из-за малыша, – смущенно говорю мужчине. – Не потому, что я ревную или мне есть дело до твоих походов.

– Ну конечно, – протягивает он, улыбаясь. – Только из-за пужителя. Я сразу так и понял. Это и имел в виду.

Я смотрю недоверчиво:

– И ты не собираешься подшучивать надо мной по этому

поводу?

– Зачем? – делано удивляется мужчина. – Раз мы разобрались с насущными проблемами, можно и к завтраку приступить. Я уверен, что пузожитель уже беспокойно отплясывает румбу, ты жуть как проголодалась и уже совсем устала держать свой живот... Да?

Неожиданно мне хочется плакать. Эти чертовы гормональные качели уже в печенках у меня сидят, но я ничего не могу поделать. Слезы застилают взгляд, да еще и Ярослав смотрит на меня так ласково и понимающе. Но добивает меня следующее: мужчина открывает навесной шкафчик, достает упаковку витаминного комплекса для беременных и протягивает мне одну выпуклую таблетку.

– Присядь уже, Рит.

Да я с места сдвинуться не могу!

– Садись, садись. Не устраивай нам с пузожителем капризов, ладно? Садись за стол, а я поухаживаю за тобой.

Я позволяю ему усадить меня на стул, принимаю стакан с водой, под его руководством глотаю витаминку и... захожусь в рыданиях.

– Ох! – Ярослав присаживается на корточки, упираясь ладонями в мои колени. – Ну ты чего, Ритка? Тебе плакать-то не вредно? Перенервничала, да?

– Кажется, я тебя ревную, – вырывается у меня с всхлипами. – А ты ведь правильно мне сказал... Не должна ведь... А я все равно ревную!

– Ревнуй на здоровье, мне не жалко. Только помни, что пока ты здесь, другой не будет. Хочешь – ревнуй, хочешь – посуду переколоти, только не плачь и не накручивай себя, Рит, ладно? Я понятия не имею, что мне делать, если тебе приспичит рожать, станет плохо или еще что, но я обязательно разберусь во всем, слышишь? Дай мне немного времени и своего доверия, конфетка, и я обещаю, что все будет хорошо.

Он аккуратно стирает пальцами слезы с моего лица и улыбается, но в глубине его глаз я с легкостью читаю невысказанное опасение: хватит ли ему времени, чтобы успеть разобратся, пока меня не поймают полиция?

Неожиданно на ум приходит еще одна мысль, которую я решаю приберечь на потом: в тот злополучный вечер, когда судьба руками моих похитителей со всей дури швырнула меня прямо в объятия этого мужчины, он тоже не был случайным прохожим. Он тоже явился по мою душу. И как знать, с какой целью он помогает мне?

Но мой беременный организм истощен от стрессов последних дней, и я, чувствуя эту усталость, не хочу прямо сейчас размышлять на данные темы. Лишь беру на заметку, что каким бы обаятельным ни был этот мерзавец и бандюган, как умело бы он ни умирал мои гормоны, как бы ни старался быть хорошим, я должна помнить, что он не так прост, как кажется, и никогда не забывать, что он, вероятно, приложил руку ко всем моим бедам. Хотя устоять перед ним практически невозможно.

Вот и сейчас он задорно улыбается до ямочек на щеках и ведет себя супермило. Даже завтрак сварганил! Кстати, вполне вкусный и полезный. Сам прибирает со стола, пока я допиваю чай.

– Чем хочешь заняться? – спрашивает меня мужчина, заканчивая уборку.

Его взгляд блуждает по очертаниям моей груди, выдавая явный намек, и я чувствую легкое волнение. Дурацкие гормоны! Дурацкое, абсолютно бесполезное либидо! Давайте еще влюбимся в самого неподходящего для этого мужика, которому совершенно нельзя доверять!

– Я бы погуляла... – вздыхаю грустно и отвожу взгляд.

– С ума сошла?

– Да помню я, помню. – Еще один тяжелый вздох. – Но мне нужно больше двигаться и дышать свежим воздухом.

– Эй, тебе плохо, что ли?

Ярослав подходит ко мне и наклоняется. В его обеспокоенном взгляде зарождается паника. Я выдавливаю улыбку:

– Яр, расслабься. Я не собираюсь рожать прямо сейчас. У меня в запасе есть еще пара месяцев.

– словно, кроме родов, тебя не могут беспокоить другие проблемы!

Меня беспокоят проблемы, да. Но я не уверена, что когда-нибудь смогу поделиться ими с ним. Как-то странно обсуждать с первым встречным, совершенно незнакомым мужчиной, вопросы, связанные с беременностью. Да и не тянет

он на эксперта в данной области.

– Ты можешь поделиться со мной любым переживанием, – говорит он. – Я умею держать рот на замке. Дальше моих ушей никуда, обещаю.

Взгляд прямой и чистый. Настолько честный, что мне отчаянно хочется поверить и довериться ему. Ну почему из всего населения земного шара Вселенная выбрала именно этот харизматичный и сексуальный экземпляр мужского пола в комплекте со слюновыделительной мускулатурой и стреляющим в самый центр трепещущего гормонами сердечка поведением, которое абсолютно не вяжется с образом развязного бандита, который предложил мне разделить с ним постель в обмен на помощь?

И как, черт возьми, я должна устоять перед соблазном, когда он вдруг коротко усмехается и заявляет:

– А знаешь что? Ты права. Я не хочу, чтобы ты совсем тут зачахла. Больно болезненно выглядишь, бледненькая такая! Думаю, нам действительно стоит прогуляться, Рит.

– А как же полиция? Похитители те?..

– Ну ты меня совсем за кретина-то не держи, – расплывается он в улыбке. – Мне вполне по силам постоять за тебя. А полиция... Что ж, не обязательно раскатывать по центру города. Вывезу тебя дворами, потом проселочными дорогами, максимально минуя трассы, доберемся до дачи моих родителей. СНТ в соседней области. Там тебя точно никто не найдет. Да и в это время года там практически безлюдно.

Пока я прикидываю в уме, стоит ли игра свеч, он продолжает меня искушать:

– Кругом сосны, до берега реки совсем рукой подать. Рас-топим баню, разожжем камин, я пожарю шашлык, а ты просто сменишь обстановку и погуляешь.

Не уверена, что это предложение не имеет подвоха, но, с другой стороны, разве он не причинил бы мне вред, если бы собирался, здесь, у себя дома, учитывая, что об этом не узнала бы ни одна живая душа?

– А еще можно взять на выезде из города по сочному бургеру и хорошенько заесть его хрустящей картошкой фри, – нашептывает дьявол с лукавой улыбкой так, что рот наполняется слюной.

– Согласна! Черт, я сейчас просто умру, если не получу свой бургер в самое ближайшее время!

Ярослав звонко смеется.

– Тогда пять минут на сборы – и стартуем. Как раз к обеду доберемся. Заночуем там, поэтому сразу возьми все необходимое.

Примерно через полчаса я вгрызаюсь в огромный бургер, а Ярослав сворачивает на неприметную дорогу, уходящую в поля. Мое настроение поднимается после каждого минувшего километра, да и мужчина в прекрасном расположении духа. Он напевает бодрый мотивчик, который без устали гоняют по радио, и постукивает пальцами по рулю.

– Значит, ты, Рита, считаешь, что это девочка? – нежи-

данно спрашивает Ярослав, и я чуть не давлюсь едой.

– Д-да, – киваю ему.

– А ты кого хочешь сама больше? Наверное, как раз дочку?

– Я не задумывалась, если честно. Все случилось несколько неожиданно, но я счастлива, что случилось. Понимаешь, Ярослав, моя жизнь не была сказочной. После свадьбы чудовище не превратилось в прекрасного принца... Мне страшно думать, что со мной было бы, если бы не этот ребенок.

– Аркадий... – нерешительно протягивает Ярослав, – был с тобой груб?

– Нет, – поспешно выпаливаю в ответ. – А как узнал о беременности, так и вовсе... перестал прикасаться.

Его руки до побеления сжимают руль. Что же тебе так не нравится, Ярослав? Вероятные слухи о том, что мой муж имел весьма и весьма пугающие интересы, или тот факт, что я была чьей-то женой?

– Но его ребенка ты любишь, – бесцветным голосом заключает Ярослав.

– Я люблю своего ребенка, – отрезаю более резко, чем должна, и мужчина кидает на меня быстрый взгляд. – Я хочу сказать, что невозможно не полюбить того, кто спасает тебя от страшной участи.

Фраза, слетевшая с губ, звучит недвусмысленно, но я слишком поздно улавливаю ее суть. Не хочу, чтобы он принимал ее на свой счет, но слово не воробей.

– Значит, у меня тоже есть все шансы... – начинает он с отвратительной довольной улыбкой, но тут же меняется в лице, улавливая что-то в зеркале заднего вида. – Черт!

Я поднимаюсь чуть выше на сиденье и тоже заглядываю в зеркало.

По пустынной дороге, вспыхивая синими и красными всполохами, словно насмехаясь, за нами мчится полицейская машина.

Глава 11

Ярослав

Если вдарю по газам, то смогу оторваться на достаточно приличное расстояние и притаиться на одном из съездов, уходящих в большой лес километрах в семи отсюда. Но я не хочу рисковать. Если начну укрываться от преследования, это явно будет говорить о том, что я виноват. А так остается хотя бы прозрачный шанс, что мои коллеги явились сюда не по наши души. Правда, он настолько мал, что я даже и в расчет его не беру. Но судорожно соображаю, как поступлю при самом плохом раскладе.

– Ярослав! – всхлипывает Ритка, обхватывая руками свой живот. – Они заберут меня?

– Уверен, это случайность, – успокаиваю ее, с беспокойством поглядывая на патрульную машину, дышащую прямо в затылок. – Надень капюшон и отвернись к окну, будто ты спишь. Волосы немного спусти вперед, на лицо.

Она не устраивает истерику, четко выполняет все, что я говорю.

Яркие вспышки, отсвечивающиеся от зеркал, привлекают мое внимание – просьба остановиться. Я съезжаю на обочину, машинально распахиваю куртку, облегчая доступ к удостоверению и кобуре, и покидаю салон раньше, чем доблест-

ный страж порядка дойдет до меня.

– Какие-то проблемы?

– Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

Молодой лейтенант чересчур напряжен, внимательно наблюдает за моей рукой и напрягается еще больше, вчитываясь в строчки удостоверения. Касается рации и говорит кому-то: «Да, это он». Я ничего не понимаю и просто уверен, что сейчас меня запакуют за укрывательство особо опасной преступницы, но из патрульной машины вылезает еще один сотрудник, и я расплываюсь в улыбке:

– Витюшенька! Что же ты так скромно в этот раз, без ОМОНа?

Друг из старого комитета, посмеиваясь, вальяжно подходит ко мне.

– Да сколько времени прошло, думаю, может, ты и тачку уже продал! Дай, думаю, потихоньку узнаю, ты или не ты! А то не звонишь, не пишешь, в гости не приезжаешь!

– Дела, Витюш, дела, – отмахиваюсь я. – Как ты, дорогой?

– Подполковника получил, маньяка поймал. Не вовремя ты, Ярый, свалил. Глядишь, и сам бы уже в подполковничьих погонах ходил – твои-то уже поджигают. – Приятель выдаст усмешку. – Ну, ничего. Слышал, у тебя у самого дельце приятное. Поймаешь Туманову – сразу шагнешь вверх по карьерной лестнице.

Я смеюсь вместе с другом. Некоторое время мы обсуждаем комитет и моих знакомых из прошлого, в том числе и Ан-

гелину – куда ж без нее.

– Слышал, Геля теперь с тобой, снова, как в былые времена... Тоже, что ли, к вам перевестись?

– Почему она сбежала? – не удержавшись, спрашиваю у словоохотливого приятеля.

– У нее роман закрутился с Румынским. Как по мне, слишком поспешно. – Друг неодобрительно цокает. – Я вообще подумал, может, они и раньше... ну, того... пока вы еще были женаты... Извини...

– Я в норме, Вить. Все давно в прошлом. Так что там с Румынским?

– Да я точно не знаю. То ли дело они вели и не сошлись во взглядах, то ли еще что... Она фурией вылетела из его кабинета, а наутро нам сообщили, что Ангелина Анатольевна изволила перевестись в твой комитет. Румынский рвал и метал, но гордость... чтоб ее. Думаю, он решил, что она из-за тебя рванула.

– Да ну, бред. Гриша умный малый, знает и Гелю, и меня не первый год. Чтобы мы снова сошлись, мы должны остаться последними людьми на Земле.

– И то верно! – усмехается приятель. – Ты к нам какими судьбами?

– Родительскую дачу проверить – кто-то из соседей трещал, что воры орудуют...

– Так давай прокатимся? Банька, водочка?..

– В другой раз, Витюш, – аккуратно торможу его, двинув-

шегося было к моей тачке.

– Опа! Погоди, – осеняет его. – Ты не один? Так-так-так! И кто она? Я ее знаю? Она из комитета?

– Боже упаси! – смеюсь я. – Вить, она – пока просто «она». Не уверен, насколько у нас все серьезно. Я бы вас представил друг другу, но она только с поезда. Издалека ко мне приехала, заснула.

Виктор медленно подходит ближе. И еще. С любопытством пытаюсь разглядеть Ритку, когда это последнее, что мне нужно.

– Так она же... – протягивает друг, и я опасаюсь, что он узнал в девушке беглянку. Ее лицо круглосуточно крутят по всем новостям, а листовки расклеены по всей стране. – Она беременная! – Приятель присвистывает и переводит взгляд на меня.

– Случайная связь, Вить. После развода. Она уезжала на учебу в столицу, а я искал утешения. Сейчас узнал о последствиях, – вру я без зазрения совести. Почти. – Как-то так. Ну не бросать же ее. По крайней мере, почему бы не попробовать, коли последствия все равно разгрести нужно, да?

– Геля знает?

– Нет, и я надеюсь, что не узнает. Хотя бы до поры до времени.

– Я никому, Ярый. Ты же знаешь.

– Знаю и очень рассчитываю на тебя.

Витюша еще раз бросает взгляд на Ритку.

– Ну тогда, Ярослав Сергеевич, не смею тебя задерживать. – Он коротко хлопает меня по плечу. – Рад за тебя, брат. Я боялся, ты не скоро оправишься после развода.

– А теперь мне и вовсе не до прошлого, – усмехаюсь другу. – Ты даже не представляешь, сколько хлопот появилось в моей жизни с этой девчонкой.

Он добродушно смеется, не подозревая, что хлопоты эти лишь отчасти связаны с беременностью. Вот уж что беспокоит меня не столь значительно, как железные улики против девушки. Чуйка и доверие – это одно. Но совершенно другое – упрямые факты, которые пока играют мне не на руку.

Провожая взглядом патрульную машину и уstraиваясь за рулем, я отбрасываю упрямую мысль в долгий ящик. Додумаю как-нибудь потом. Прямо сейчас я не готов принять решение, как поступлю с Ритой, если не смогу доказать ее невиновность.

Стоит мне тронуться, как Ритка, вострепелувшись и поправляя распахнутые полы пальто, чтобы было удобнее сидеть, тарашится на меня.

– Я так перепугалась! Что им было нужно?

– Да так... Знакомый подполковник решил спросить, как у меня дела, – говорю правду.

Я уже утомился жить во лжи. С того момента в темном переулке и до настоящего времени, мне кажется, я только и делал, что сочинял сказки.

– И много у тебя таких знакомых?

– Достаточно.

– При твоём-то образе жизни? – смеется она.

– Эй, а что с ним не так? – делано возмущаюсь.

– Разве тебе по роду деятельности не претят такие знакомства?

– Вовсе нет. Совсем даже наоборот.

– А-а-а, – протягивает Ритка. – Я поняла. Это продажные менты, которые тебя прикрывают, да?

– Ага, – я еле удерживаюсь от хохота. – Рит, скажи честно, я так сильно похож на негодяя?

– А я до тебя с негодяями дел не имела, – фыркает Рита. – Сначала был родительский дом, потом – мужнин.

– А может, я вполне себе законопослушный гражданин, честный бизнесмен...

– Честные законопослушные граждане девиц по подворотням не отлавливают, – насупливается девушка, отворачиваясь от меня.

Всю оставшуюся дорогу Рита меня игнорирует, и я тихонько закипаю. Вот же несносная леди! Еще и нос воротит! Не подходит этой фифе, значит, ею же выдуманный образ? Великолепно! Да знала бы она, что вся моя жизнь летит в тартарары из-за этого идиотского желания защитить ее... «А что же не рассказываешь, Ярик? – нашептывает голос в моей голове. – Неужто боишься?» Боюсь. Сбежит ведь, дурында, узнав правду, а куда ей с пузом? И так того и гляди сломается под тяжестью веса плода.

Бросаю взгляд на ее задумчивое лицо и моментально остываю.

– Рит... а, Рит, – протягиваю весело и бодро.

– Чего тебе?

– Как дочку назовем?

– Я пока не придумала.

Рита осекается и сжимается. Странная она. Вот уж правда, никогда мужчине не понять женщину. И чего надулась опять?

– Говори, – предлагаю ей.

– Что говорить?

– Например, расскажи, что тебя беспокоит.

– С чего ты взял, что что-то беспокоит?

– С того, что ты попала в затруднительное положение, потеряна, напугана, беременна... – Бросаю взгляд на нее. – Мне стоит продолжать?

– Господи, Ярослав, неужто тебе не все равно?! Сейчас я целиком и полностью завишу от тебя! Я даже не знаю, куда ты меня везешь!

– Вообще-то знаешь.

– Только то, что ты мне сказал.

– Только потому, что я говорю правду.

– Ты хочешь сказать, что всегда откровенен?

– Да.

Рита недоверчиво фыркает, но все равно спрашивает:

– Что ты делал в том переулке?

– Искал тебя.

– Зачем?

– По работе.

– Ты должен был меня куда-то отвезти?

– Да.

– Тоже передать кому-то, как те двое?

– Да.

– А почему себе оставил? Выжидаешь положенное время? Что за игру ты затеял, Ярослав? Ты понимаешь, что я запуталась? Что мне страшно? Понимаешь, Ярослав? Я не знаю, чего ждать от завтрашнего дня, могу ли я доверить тебе свою жизнь и жизнь собственного ребенка, безопасно ли мне спать по ночам, не ты ли подставил меня... В моей голове сотни вопросов, и самый главный – зачем тебе все это, если ты действительно пытаешься мне помочь?

Я молчу, пытаюсь подобрать слова. Почему-то я уверен, что для правды сейчас не самое подходящее время. Ритка не станет откровенничать, если узнает, кто я на самом деле.

– И все невероятно осложняется тем, что я видела тебя раньше, – всхлипывает Ритка.

Я замираю в ожидании продолжения. Правда за правду – такой расклад по мне.

– Я видела тебя дома, Ярослав. В тумановском кабинете. У вас были какие-то общие делишки, не вздумай отрицать. И учитывая все это, скажи, как мне понять, что ты действуешь не из корыстных побуждений, что это не ты разрушил

до основания мою жизнь, что мне не о чем переживать, сидя рядом с тобой?

Наверное, я должен чувствовать раздражение от ее прицельных вопросов, на половину из которых у меня нет удобоваримых ответов, но я испытываю глубокое разочарование. Хотя для этого нет никаких оснований, да и в принципе все довольно закономерно – по неясной причине мне жаль, что она действительно не понимает моих мотивов.

Но готов ли я сам принять их? А ей как объяснить?

– Ну что ты молчишь? – спрашивает Ритка. – Неужели тебе совершенно нечего мне сказать?

– Приехали, – говорю устало.

– Что?

– Мы приехали. Сейчас ворота отопру.

Выбегаю из тачки с каким-то эгоистичным наслаждением. Послать бы ее к черту, да только что потом делать со своей совестью? Ведь интуитивно я понимаю, что Рита никого не убивала.

Загнав тачку во двор, не тороплюсь глушить мотор.

– Тебе лучше посидеть здесь, пока я не затоплю в доме.

– А если кто-нибудь придет? Я не хочу оставаться одна, – упрямится девушка.

– Рит, в доме холодно.

– Я тепло одета, а там наверняка есть одеяло или тулуп.

– О себе не думаешь – подумай о пузожителе.

– Я не останусь одна, Яр, – строго отрезает она сталью. –

Если ты не особо сообразителен, я поясню: тебе я не доверяю, замалчивание ответов на мои вопросы очков тебе не добавляет, и если ты меня вывез из города, чтобы сбыть с рук как ненужную вещь, то я хочу в этот момент смотреть прямо в твои продажные глаза.

Она вылетает из машины и хлопает дверцей, а я делаю несколько глубоких вдохов, прежде чем отправиться следом за ней. Не уверен, на сколько меня хватит, чтобы вытерпеть ее капризы, а не просто припереть к стене, заставив говорить правду от безвыходности, но я держусь.

В доме первым делом набрасываю на нее старый отцовский ватник и отыскиваю огромное одеяло. Кутая девушку и устраивая ее в кухне у зажженной на все конфорки и с распахнутой духовкой плиты, занимаюсь растопкой печи и бани и разжигаю мангал.

Эти действия меня успокаивают. Это куда приятнее, чем гонять по кругу тупиковые материалы дела или размышлять на тему того, как долго мне удастся прятать беременную женщину в своем доме, что делать, если она начнет рожать до того, как я докажу ее невиновность, как скрыть наличие младенца и что мне, мать твою, делать, если все мои предположения в корне неверны и Рита действительно виновна?

Она сидит как нахохлившийся воробей на жердочке. Из одеяла торчит один лишь нос и сияют подозрительным блеском огромные печальные глаза. Не выдержав наблюдения со стороны, я подхожу к ней и сажусь рядом, обвивая укутан-

ное тело руками.

– Я действительно видел тебя раньше... – тихо говорю ей то, что она хочет услышать. – Там, в доме. Я был в кабинете твоего... Туманова. По работе. Мне не нужно тебе рассказывать, что Аркадий был не самым честным и приятным человеком, вот и... Я пришел к нему по делам и увидел тебя. Поэтому я знал, кто ты такая, когда посадил тебя в свою машину, знал, кого мне нужно забрать из переулка. Не надеялся, что найду, но мне повезло.

– Кому ты должен был меня доставить?

– Людям, которые пытаются выяснить, кто убил твоего... Туманова. – Глупость или нет, но я упрямо не хочу называть Аркадия ее мужем. – Но все пошло не так.

– Что именно? Тебе дали приказ избавиться от меня? Эти люди, да? Они конкуренты Туманова или все-таки компаньоны?

Вопросы Ритки кажутся мне забавными, но только на первый взгляд.

– Я им просто стала не нужна, а ты пожалел меня, да?

– Нет, Рит. Ты по-прежнему им нужна, просто теперь я не могу самоустраниться, пока не разберусь, что именно происходит.

– Зачем тебе это нужно? Только не говори, что ты борец за справедливость, все равно не поверю.

– Тогда я скажу, что ты мне нравишься. Поверишь?

– Ну конечно. – Ритка морщит нос. – Ты не похож на иди-

ота, который может втрескаться в первую встречную и поставить под угрозу свою жизнь и свободу.

Я смотрю на нее со скептической улыбкой. Так уж, мол, и не похож?

– В нашу первую встречу ты была такая трогательная и беззащитная, что сразу приглянулась мне. А там, в подворотне... Думаю, я просто убедился, что первое впечатление правдиво, и решил тебе помочь. Теперь я играю сам по себе – заметь, играю на твоей стороне. И все, что тебе нужно...

– Я помню, Ярослав, – чопорно перебивает Ритка, – раздвигать ноги и подставлять глотку.

– Все, что тебе нужно, – надавливаю я, – постараться поверить и довериться мне. Иначе все это не сработает.

– Не так-то это просто, – вздыхает девушка. – Особенно после таких вот заявлений.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что мне не составит труда скрутить тебя, взять силой, причинить тебе боль, да и просто уничтожить?

Рита внимательно смотрит на меня и медленно кивает.

– Если бы я хотел причинить тебе вред, я бы сделал это сразу. И уж точно не привез бы тебя к себе домой, если бы просто выжидал нужное время. Запер бы тебя в каком-нибудь подвале вместо того, чтобы закупить тебе одежды на все случаи жизни. Если бы мне было все равно, Рит, разве купил бы я тонометр, пустырник, фолиевую кислоту, витамины, в конце концов? Зачем мне тратить деньги, если я планирую

сбыть тебя с рук в ближайшее время? Зачем мне играть в доброго самаритянина, если я могу просто добиваться всего силой, и это было бы гораздо проще, чем искать подход, лавируя между твоими беременными капризами? Если я такой злодей, Рит, почему меня беспокоят твоя беременность, самочувствие, настроение? Разве я стал бы беречь чужой плод, если бы мне была безразлична его мать?

Ритка не сводит с меня глаз и шумно глотает слезы, которые стекают по ее лицу огромными водопадами.

– Так что, да, Рит, сейчас я пытаюсь тебе помочь, потому что ты мне нравишься, и мне бы очень не хотелось, чтобы все это оказалось напрасно. Я не умею читать мысли, конфетка, и пока ты молчишь, мы теряем время, тогда как твой недоброжелатель спокойно выжидает момент, чтобы дотянуться до тебя.

Глава 12

Ярослав

Ритка облизывает губы. Вспыхнувший было испуг в ее глазах успокаивается, и она начинает говорить. К сожалению, совершенно не то, что мне хотелось бы услышать.

– Я... не знаю. Я правда ничего не знаю, Ярослав.

– Подумай хорошенько, Рита. Очень хорошо. Ну просто не может такого быть, чтобы у тебя не было никаких предположений или подозрений.

По глазам вижу – предположения у нее имеются.

– Ну, – протягивает она, – возможно, это связано с завещанием Туманова...

– По завещанию ты получаешь все, включая бизнес?

– Я точно не уверена... Понимаешь, на этом настаивали мои родители. Это было обязательным условием брачного контракта. Не знаю, выполнил ли он его после гибели родителей. Возможно, он переиграл что-то... Но его юрист должен быть в курсе.

В ее глазах вспыхивает надежда, и хотя я пока не могу нащупать связь, не тороплюсь разочаровывать девушку.

– Может, было еще что-нибудь? Долги, угрозы, шантаж, странные звонки, письма? Любое, что привлекло твое внимание?

– Вроде нет, – задумчиво отвечает Рита. – Но, честно говоря, я могла не придать значения, даже если что-то и было. Меня мучил токсикоз, и...

– Я понял. Туманов имел какие-либо постоянные привычки? Возможно, покер с друзьями по субботам, гольф, теннис?..

– Нет, вообще ничего такого. Работа по одиннадцать часов в день. Выходные – в кабинете дома. Он был очень замкнут, даже нелюдим. В доме практически не бывало гостей, и сами мы никуда не выезжали.

– Он посещал с тобой клинику? Ходил на приемы в женскую консультацию?

– А это имеет значение? – скептически спрашивает Рита.

– Пока не знаю. Ты должна подумать и вспомнить все детали, даже самые несущественные, на твой взгляд.

– Да не было ничего такого! Ну или я не обращала внимание... И вообще, что ты на меня насел, как плохой полицейский? Если бы было что сказать, я бы сказала...

– Точно? – с усмешкой уточняю я. – Так уж прям и сказала бы?

– Не ходил он со мной в консультацию, ясно? – неожиданно взрывается Ритка. – Ему не было до этого дела. Денег отвалил на круглосуточный уход, и надзиратель ухаживал, пока я лежала. Звонил, спрашивал. Но просто выделить время и сходить на УЗИ?! Эта история не про нас... Я подумаю и попробую вспомнить что-нибудь интересное, ладно? Но я

уверена, что дело в завещании или в чем-то подобном. Явно не в моей беременности!

Риткины щеки вспыхивают от негодования. Она забавно пыхтит, но мне совсем не до смеха. Я вовсе не уверен, что дело не касается ее беременности. Если не касается, зачем кому-то создавать вокруг этого радостного события такую тайну? Или это дело рук Туманова, который опасался за безопасность будущего наследника? Или же он попросту был социофобом и поэтому не торопился делиться личным счастьем с окружающими? Или дело в том, что Ритка сама скрытничает? Что-то явно знает, но упрямо продолжает молчать.

Как бы то ни было, меня смущает, что нигде не просочилась информация об интересном положении Тумановой. И для меня это первоочередной вопрос. Я знаю, что это неспроста. Чую нутром, что-то связано с этой тайной, но хоть убей, не понимаю, что именно.

Раз Ритка пока не может порадовать меня ничем полезным, попробую потянуть за ниточки со стороны тумановского завещания – авось окажется, что это не очередная пустышка. Жаль, что так не вовремя Ангелина решила воспылать ко мне нежностью, и я не уверен, что прямо сейчас она готова работать в нужном мне направлении. А это значит, что мне придется ждать до понедельника, чтобы связаться с душеприказчиком Аркадия Туманова.

– Голодная? – спрашиваю у Ритки.

– Да, – недовольно отвечает она.

– Тогда я пойду жарить шашлык. Если захочешь прогуляться...

– Я пойду с тобой.

Решила похорохориться? Прекрасно!

– Все еще считаешь, что я предатель?

По глазам вижу – так и думает. Но говорит обратное:

– Нет, что ты! Разве смысл этой поездки не в том, чтобы я гуляла и дышала свежим воздухом?

– Ну кто я такой, чтобы спорить, верно? – устало говорю ей и поднимаюсь.

Пока я занимаюсь мангалом, подготавливая угли, Ритка шныряет по участку, засовывая свой любопытный нос в каждую щель. Забавно наблюдать, как она вразвалочку расхаживает по дорожкам наперевес со своим животом. Вот неугомонная! Хотя, возможно, ей это необходимо? Я ничего не смыслю во всех этих женских штучках!

Нагулявшись вдоволь, Ритка подходит ко мне и нерешительно ластится сбоку.

– Яр, а, Яр? А ты говорил, что тут речка есть... и сосны... Погуляем после обеда?

– Конечно, Рит, – усмехаюсь в ответ и закидываю руку ей на плечи. – Все, что хочешь!

– И в баню ходим? А, Яр? Сходим?

Она заглядывает мне в лицо щенячьим взглядом, и я киваю.

– И спинку потрешь?

– Могу потереть не только спинку.

Она довольно жмурится, вставая на цыпочки. Ее живот хоть и мешает придвинуться плотнее, но я все равно размещаю руки на спине девушки, притягивая ее к себе.

– Кажется, я давно не расплачивалась за твою помощь, Ярослав, вот и надумываю себе всякого... Ну, знаешь, что ты от меня избавишься и все такое...

– Дурочка ты, Рит, – усмехаюсь я. – Тебе что говори, что не говори – все одно.

Я склоняюсь к самым ее губам и жарко выдыхаю:

– Влюбился я в тебя, Рит. Никому вас не отдам.

И, не дожидаясь ответа, захватываю в плен ее губы. Ритка кричит и отстраняется от меня.

– Кажется, мясо горит, – говорит она севшим голосом.

Я бросаю взгляд на решетку. Точно, горит. Экий я невнимательный рядом с ней!

Удобнее перехватываю ручку решетки и киваю девушке в сторону дома.

– Прошу к столу.

Ее щеки пылают. То ли от смущения, то ли от возбуждения, а может, и вовсе от ветра. Но она семенит впереди меня, сложив руки на животике.

Зверский аппетит моей подруги вызывает у меня умиление. Я вообще перестаю себя узнавать – переполнен каким-то воодушевлением и нежностью, – но ничего не могу с

собой поделать. Очаровательная маленькая женщина рождает во мне все эти эмоции, даже наперевес со своим животом.

Закончив трапезу, Ритка подрывается было, чтобы убраться со стола и перемыть посуду, но я останавливаю ее.

– Ступай, отдохни после обеда.

– Я совсем не устала, – слабо возражает она.

– Давай не спорь! Я же вижу, что устала. Полежи немного, и пойдем гулять.

Вижу, что она нацелена меня переспорить, и давлую на нее:

– Иначе у кого-то просто не останется сил на банные процедуры!

В глазах девушки вспыхивает игривый огонек, и она кивает:

– Умеешь убеждать, Яр!

Я дожидаюсь, когда она скроется из виду, и проверяю почту и сообщения – вдруг появилась какая-нибудь важная информация в мое отсутствие, – но ничего интересного и полезного нет. Начинаю прибираться на кухне.

Переделав дела, нахожу Ритку. Ну что за несносная девчонка?! Привычно подхватываю ее с дивана, бережно сжимаю свою ценную ношу и несу ее в спальню. Думаю, не страшно, если я вздремну немного рядом с ней? Осторожно устраиваюсь за ее спиной, обвивая руками. Пузожитель в животе под ладонью приходит в движение, и я рисую кончиками пальцев круги и зигзаги, пытаюсь его уговорить.

Пара месяцев. Рита сказала, что он или она родится через

пару месяцев. Я надеюсь, что к тому времени с нее уже снимут все обвинения. А если нет? Прямым из роддома Туманова отправится в следственный изолятор, а ребенка передадут в дом малютки. Целых две поломанные жизни, если я не справлюсь, не найду концов, не смогу расследовать это гребаное преступление.

Не хочу думать о неблагоприятном исходе расследования, но если юрист Аркадия Туманова окажется очередным путем в никуда, а Ритка не вспомнит что-нибудь более стоящее, копать, по сути, будет больше некуда. Это понимание невероятно удручает меня. Чувствовать слабость там, где просто невозможно давать слабину, для любого мужчины невыносимо. Что же я за мужик-то такой, если бабу свою защитить не в силах? Нельзя Рите в СИЗО. А пужожителю никак нельзя в детский дом. Да и разве допущу я это? Ведь в лепешку расшибусь, но найду упря, который угрожает моей любимой женщине!

Когда я все для себя решил и все непонятные моменты стали вдруг понятными, даже дышать стало проще. Тяжело нести такой груз в одиночку, поэтому я не жалею о том, что так поспешно вывалил Ритке правду. Ведь эти эмоции не вспыхнули неожиданно, а зародились уже достаточно давно. Да и как им было не зародиться, если практически полгода она не выходила из моей головы и из виду ни на мгновение?

Усмехаюсь себе под нос. Кто бы подумал, что майор Влагов влюбится в главную подозреваемую по собственному де-

лу, да еще и станет ее укрывать? Да никто! И я сам был бы в первых рядах. А теперь поглядите-ка – лежу, прижимая ее к себе, и всерьез раздумываю о том, как буду прятать всю жизнь, если не смогу доказать ее невиновность.

Непоседа в животе пинается прямо в центр моей замершей ладони, и Ритка недовольно кряхтит, потягивается, но вдруг застывает, осознав, что я лежу рядом.

– А мы тут играемся, – тихим шепотом шучу я. – Не хотели потревожить твой сон, прости.

– А я уже и не знаю, где сон, а где правда, – всхлипывает жалобно Ритка и снова начинает рыдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.